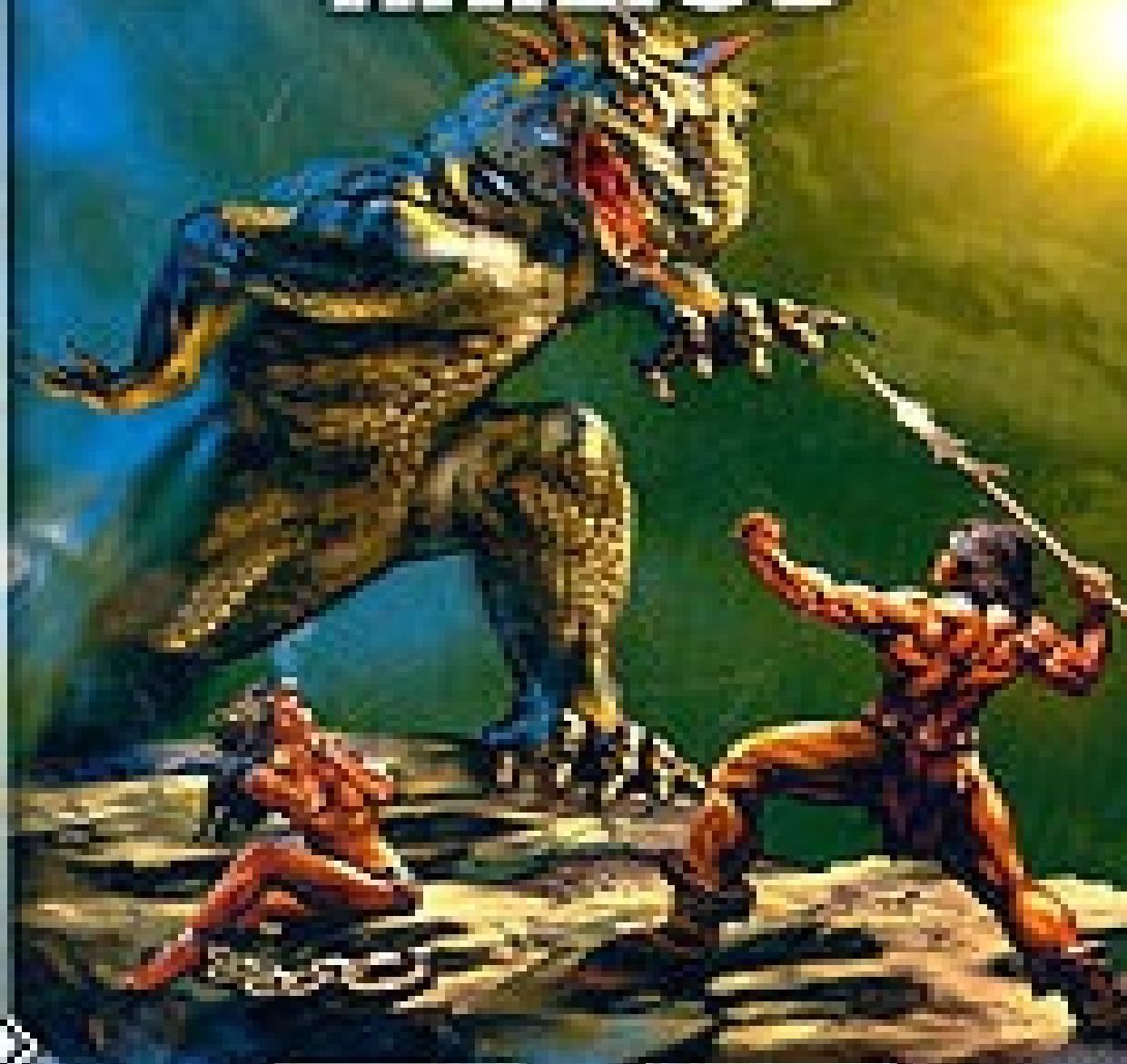

**КОНАН
И ЯРОСТЬ
ТИТАНОВ**

Annotation

В книгу вошли три повести Ника Орли:

- Призрак
  - Путь силы
  - Ярость титанов
-

- [Ник Орли](#)
    - [Призрак](#)
  - [Ник Орли](#)
    - [Путь силы](#)
  - [Ник Орли](#)
    - [Ярость титанов](#)
-

Ник Орли

Призрак

Конан в прекрасном настроении ехал по лесной дороге. Осталось позади напряжение последних дней, когда ему пришлось смиряться с тем, что он стал жертвой сверхъестественных сил и должен был ждать помощи от мага. Маг смог изгнать и уничтожить демонов, что Конана вполне устроило, а то, что у мага не получилось взять демонов под свой контроль, так это даже к лучшему. Обойдется!

Каждый раз, когда Конан вспоминал расстроенное лицо мага, его прошибало на ухмылку. Неудавшийся властелин демонов, ха! Как и все маги, Косталис вел себя по—человечески лишь до тех пор, пока перед ним не замаячил призрак могущества. Как только у мага появляется только надежда, не возможность даже, а только надежда на возможность приобрести могущество, недоступное другим магам, так они готовы сломя голову нестись в эту пропасть, попутно увлекая туда огромные деньги и окружающих людей, наложенную жизнь и равновесие Мироздания. Безумие какое—то!

Размышая об этом, Конан не переставал следить за окружающим, отмечать, что дорога сильно заросла травой, то есть по дороге этой ездят довольно редко. Вот Конан проехал мимо старой вырубки, где уже поднималась молодая поросль деревьев, потом возле дороги открылось небольшое озеро, за ним открывался простор равнины. Конан остановился, спешился, привязывать лошадь не стал, только надел путы, чтобы она могла отдохнуть, а сам, огляделвшись, разделся и пошел в воду. Он с удовольствием смывал с себя пот и пыль нескольких дней, дым магических порошков и остатки обгоревшей бороды, въевшийся запах крови и смерти.

Когда Конан вышел из озера, возле его лошади стояли четверо. С тяжелым чувством ожидания неприятностей Конан подошел к ним. У одного в руках был обнаженный меч Конана, у двоих — топоры. Молодые мужики, бородатые, неухоженные, одеты по—коринфийски, но вразнобой, новая одежда соседствует с сущим рваньем. На мордах — неприятные ухмылки. Сброд. Но держатся правильно — если напасть на одного, другие тут же ударят в ответ. Четвертый — мужик уже пожилой, третий и битый, сильно хромая, обошел троицу вооруженных бродяг и, заходя сбоку, спросил:

— Проездом в наших краях или как?

— Гостил я тут, — ответил Конан, — у моего большого друга. Маг Косталис его зовут. Познакомиться не желаете?

— Ни к чему нам занимать внимание великого мага своими ничтожными личностями, — ответил хромой, делая еще один шаг вперед.

Оружия у него в руках Конан не видел, но руки тот держал так, что вполне мог прятать за предплечьями ножи. Как—то он очень уж не понравился Конану, чувствовалось, что из всей четверки он — боец самый опасный.

— А вас никто не учил, что брать чужие вещи вредно для здоровья? — спросил Конан, делая шаг в сторону от хромого.

— Нас учили, что прав тот, у кого в руках оружие! — сказал тот, который держал меч. Клинок лежал у него на плече, и сейчас он повернул корпус так, чтобы с плеча и ударить, без замаха.

— Вот чему я всегда в этой жизни удивляюсь, — сказал Конан, — так это почему каждый засранец, взявший в руки оружие, полагает, что он от этого уже перестал быть

засранцем?

Он рванулся вперед, пнул крайнего топорника в колено так, что тот повалился, нелепо взмахнув своим оружием, второй топорник оказался перекрыт мужиком с мечом, а тот должен был наносить удар из неудобной позиции — с правого плеча, отведенного назад, да на правую же сторону.

Миг промедления оказался для него критичен. Конан перехватил руку с мечом, левой рукой как кувалдой ударил противника по ребрам и, выворачивая свой меч из чужой руки, толкнул разбойника на второго. Конан уже перехватывал свой вновь обретенный меч для удара, как хромой разбойник в броске достал ноги Конана, оплел их руками и рванул в сторону.

Долю секунды Конан пытался устоять на ногах, но хромой не дал ему сделать хотя бы маленький шаг и восстановить равновесие. Падая, Конан извернулся и упал так, чтобы тяжестью падающего тела ударить хромого. Ему это вполне удалось, хромой заскрипел зубами от боли, но рванулся, как распрямляющаяся пружина, и рядом с горлом Конана прошел узкий клинок кинжала.

Хромой вцепился в киммерийца как пиявка, пытался бросить в глаза Конану песок, связывал движения и норовил пырнуть кинжалом. Вокруг топталась троица остальных разбойников, бестолково пытаясь внести свой вклад в одоление киммерийца.

Конан подсек одному из них ноги мечом, ухватил, наконец, хромого за кисть руки с кинжалом и, закрываясь им от остальных разбойников, ударил его рукоятью меча в голову. Хромой потерял сознание, а Конан отшвырнул обмякшее тело, крутанул мечом, отгоняя нападающих, и вскочил на ноги.

Уцелевшие разбойники обрушились на него с ударами такой силы, что никакой доспех не, вы держал бы их, попади они в цель. Но один удар Конан отбил в сторону, от второго уклонился. Сделав ложный выпад, Конан развернулся, рубанул топорника по руке, тут же атаковал второго и молниеносным ударом зарубил его.

Посмотрев на поверженных противников, Конан подошел к своим пожиткам, надел штаны и вернулся к разбойникам. Один из них был убит наповал, другой тихо истекал кровью, третий жалостно скулил, глядя на свою рану с невыразимым ужасом.

Хромой очнулся, сел и смотрел на приближающегося киммерийца. Рядом с ним лежал второй кинжал, но он не пытался взять его в руки. Облизнув губы, он сказал:

— Опередил ты меня, варвар, чуть—чуть опередил. Стар я, видимо, стал. Что же, праздной победу, только когда—нибудь и на тебя найдется молодой и быстрый противник.

— Так какого рожна ты полез искать себе добычу не по зубам, старый волчара?

— А куда мне было деваться? В наемники калеку не берут, старых друзей жизнь повыбила. Собрал вот молодых, видим — путник нездешний, искать его никто не будет. С деньгами, наверное, едет. Да еще и без оружия застали... Ну, так как? С собой ты нас всяко не потащишь. Так отпустишь или убивать будешь?

— Надо бы, конечно, вас прикончить. В бою бы я вас положил, глазом не моргнул. А сейчас — я не палач. Да и возиться с погребением неохота. Оставлю я вас, чтобы убитых похоронили. Кошелек — то мой успел прибрать?

— А как же.

Хромой бросил Конану его кошель. Киммериец проверил содержимое и подвесил кошелек к поясу.

— Кинжал тоже кинь.

Он забрал с собой кинжалы, чтобы у старого разбойника не было соблазна метнуть ему клинок в спину, сходил еще раз к озеру и отмыл меч. Хромой тем временем перевязывал раненого. Конан собрал вещи, сел на лошадь и поехал дальше по дороге. Настроение было мерзкое.

Дальнейший путь пролегал без приключений, дорога стала более торной и оживленной. Леса перемежались полями, стали попадаться деревни, стоянки углежогов, обозы, везущие бревна для строительства и соль на продажу, медь и руду для кузниц, продукты для горожан.

Переночевав в одном из селений, Конан отдал в стирку и починку одежду, узнал, что главный торговый город Коринфии — Монстардинос — уже недалеко.

Конан купил, как и собирался, новый меч, отдав в счет части оплаты старый выщербленный клинок, побрился и подстригся, так что в город он приехал не как бродяга, битый жизнью, а как уважаемый гость с тугим кошельком и серьезными намерениями. Кошелек, правда, уже изрядно опустел, но на некоторое время должно было хватить, если не пускаться в разгул и не швырять деньги на разные излишества.

В Монстардиносе Конан остановился на довольно приличном постоялом дворе. Здесь не было такого раздолья для воров, как в Заморе, но купцы Офира и Немедии были частыми гостями в Коринфии. Купцы из Аквилонии тоже бывали, но реже. Соляные копи Коринфии снабжали солью Офир и Немедию, Бритунию и Замору. Медь, добываемая в Карпашских горах, пользовалась спросом во всех окружающих странах, товары с востока шли через Коринфию в Аквилонию и Немедию, в Офир и Бритунию.

Высматривая среди купцов такого, кто успел распродать товар, но не успел вложить полученные деньги в покупку другого товара, Конан помногу не пил, в драки не встревал, знакомился с городом и ждал. Хозяйка постоялого двора, молодая вдова по имени Оливиния, быстро прониклась симпатией к киммерийцу, и Конан не стал разочаровывать ее, да и с чего бы молодому здоровому мужчине было отвергать знаки благосклонного внимания к своей персоне? Так что через пару дней Конан перебрался из своей комнаты в хозяйские покой. Оливиния строила радужные планы на совместную жизнь, Конан же не спорил с ней, зная, что бессмысленно загадывать наперед. Кто знает, что готовит ему будущее?

Через несколько дней после того, как Конан появился в Монстардиносе, он увидел в сопровождении одного из купцов своего знакомого. Вечером они встретились в таверне и Конан спросил:

— Скоро ли вы собираетесь обратно в Шадизар? У меня там остались кое—какие должники, я бы хотел, чтобы ты получил у них мои деньги и привез их мне. Я хорошо заплачу тебе. Кривой Максут выплатил мне лишь часть денег за те драгоценности, которые я отдал ему...

— Забудь, — отрезал Али. — Стражники выпотрошили лавку кривого Максута, а пока его водили к судье, лавка сгорела. И ты сам в этом виноват, Конан! Все знали, что кривой Максут скапает краденое, но пока это было в привычных пределах, это никого особо не волновала. Стража получала свой бакшиш, не давала чересчур распоясаться разной шушере, иногда ловила кого—нибудь из новичков и возвращала украденное, и всех это устраивало. Но ты, Конан, перегнул палку! Ну, обокрал ты половину шадизарских дворцов, но зачем тебе понадобилось красть королевские подарки у племянника короля?! Ладно, все знают, что король не сильно жалует своих родственников, но грабить их он позволить все равно не может. Это было чрезмерно, Конан. Стражников настропалили так, что они носом землю рыли. никакие взятки уже не помогали. Пострадал не только Максут, еще несколько

скупщиков краденого вычистили. Похватали много воровского народа, кого сразу убили, кого на каторгу закатали, один из воровских кварталов просто выгорел дотла. И вот опять же, Конан, ловит тебя стражник — это же не значит, что он враг тебе. Ну, дал ты ему в рыло, убежал, потом встретились, ты его угостил, выручкой поделился — и оба довольны. А ты что творил? После тебя троих стражников похоронили, это еще ладно, а двое калеками остались. Как ты думаешь, другие стражники сильно радовались, на это глядя? Они, конечно, начали вымешивать зла на всех прочих. Так что в Шадизаре ты устроил такую заварушку, что лучше тебе там не появляться. И денег не взыскать.

— Да я туда и не собирался. Ладно, Али, забудь. Не очень — то я и рассчитывал на эти деньги. Как сюда добирались, что слышно нового?

— Добирались обычно, старый тракт через перевалы. Я вот нанялся идти с соляным обозом. А на границе Офира и Коринфии, говорят, появился ночной призрак. Кого застанет ночью, того находят мертвым. Сначала, говорят, он бродил по Коринфии, потом объявился в Офире. Король Офира, говорят, согнал в приграничье лучших магов королевства и баронские дружины из окрестных округов. Впрочем, это же Офир! Там вечно какая — нибудь дрянь вызревает.

— О, я знаю, что с призраком делать! Тут один маг неподалеку живет. Он страсть это дело любит. Надо будет при случае ему подсказать, пусть скажет на границу Офира и ловит призраков, и ночных, и дневных, ха!

* * *

Тысячник Бертиозис сидел в своей парадной зале, перебирая пергаменты. Владелец серебряного рудника, один из богатейших людей Коринфии, он третий срок подряд избирался тысячником Монстардиноса. Войны не очень часто грозили Коринфии, но если не реагировать на мелкие стычки, то сосед может счесть такое государство легкой добычей. Такого допускать никак нельзя, поэтому тысячник внимательно следил за всеми сообщениями о событиях в стране и в соседних государствах. Власть его держалась на авторитете, и он не мог злоупотреблять ею без того, чтобы подорвать свой авторитет. Неразумные приказы и самодурство, обычные для венценосных владык других стран, были для него непозволительной роскошью.

И вот сейчас он был в затруднении. Замора пользуется торговым путем через Коринфию и не заинтересована в нарушении существующего порядка. К тому же в последнее время в Шадизаре происходили серьезные стычки стражи с горожанами, город пострадал и сейчас отстраивается. Так что со стороны Заморы неприятностей ждать не следует.

Немедия давно точит зубы на Коринфию и с радостью присоединила бы ее к своим владениям, но этому воспротивится Аквилония, которой усиление Немедии совершенно ни к чему. Офир, богатый золотом и сильный своей тяжелой конницей, может сделать попытку захватить южные районы Коринфии.

В связи с этим непонятно — есть ли появление ночного призрака провокация офирских магов, или это, в самом деле новая проблема Коринфии, которую придется решать силами своих или нанятых магов.

И еще одно сообщение о появлении в пограничном городке у Карпашских гор какого — то ужасного оборотня. Бертиозис отметил себе послать гонца, к магу Косталису — выяснить

судьбу оборотня, и может ли появление оборотня быть связано с ночным призраком, и готов ли маг отправиться к границе Офира для борьбы с призраком.

— А ведь этот оборотень, Конан из Киммерии, — сказал помощник тысячника, оторвавшись от записей, — он ведь сейчас в городе. Более того, он живет на постоянном дворе твоей племянницы Оливии.

— Вот как? Интересно, надо будет зайти к племяннице, попроведать. Значит, у Косталиса он не задержался... А Косталис в городе не появлялся на этих днях?

Насколько мне известно, нет.

— Нет, значит, нет. Косталис скрываться не любит, если бы приехал, то объявился бы... Зайди к начальнику стражи, пусть десяток стражников подежурят у постоянного двора Оливии. Если киммериец вздумает бежать, пусть хватают. Ну а если мы с ним нормально побеседуем, то пусть над душой не стоят.

— Насколько я информирован, десятка стражников может не хватить. Это тот самый Конан, из—за которого в Шадизаре неделю стража билась с ворами и выжгла целый квартал города.

— Да? Ну, тогда пусть стражники готовят засады в переулках вокруг. И усилият охрану городских ворот. Но больше десятка все равно не надо. Пусть справляются.

Предосторожности оказались излишними. Конан побеседовал с тысячником, и тот остался вполне удовлетворен рассказом киммерийца. Более того, Бертиозис решил предложить Конану работу. После ужина за кувшином огирского вина они продолжили беседу.

— Знаешь, Конан, какая у меня основная проблема в исполнении должности тысячника? — спросил Бертиозис. — Те люди, которые блестательно проявили себя на поле боя и заслужили, честно заслужили звание сотников, часто не соответствуют моим требованиям в мирной жизни. Они отличные воины и замечательные командиры в бою. Но что от них требуется в дни мира? С одной стороны, учить новобранцев, не распускать ветеранов, бдительно нести охрану и быть готовым встретить врага. С этим, как правило, они справляются. Как правило, потому что некоторые распускаются сами, и приходится принимать меры. Но с другой стороны, они должны быть политиками и разведчиками. Постоянно собирать информацию обо всем, происходящем вокруг. Желательно не просто посыпать воинов преследовать банду разбойников или выбивать людей какого—нибудь оголтелого барона с нашей земли. Желательно предвидеть такие события и не идти вслед за событиями, а предвосхищать их. Особенно когда эти события оказываются не набором сиюминутных проблем, а складываются в события государственного значения. К сожалению, мы не можем позволить себе содержать постоянных разведчиков, и вынуждены просто собирать все слухи, которые привозят купцы из сопредельных стран. И вот сейчас меня более всего беспокоит обстановка на границе с Офиром. Месяц назад ко мне стали поступать первые сообщения о каком—то ночном призраке. Встречи с ним однозначно оканчивались смертью человека, имевшего пагубную привычку ходить по ночам в одиночку. Кстати, ты не находишь, что этот призрак — на самом деле идеальное средство против воров? Ха—ха—ха! Не обижайся, Конан, слава о твоих подвигах достигла даже наших мест, но у нас тебе вряд ли удастся преумножить свою воровскую славу. У нас не Шадизар! У нас заключаются крупные сделки между купцами разных стран, но при этом редко торгуют драгоценностями. Слоновая кость и пряности, рабы и шелка — это не наш товар. Наши товары более весомы и обыденны. Нашу соль покупают четыре державы, но согласись, что украсть повозку с солью

— это не то же самое, что ларец с драгоценными камнями! Если ты собираешься быть вором и дальше, тебе придется искать другой город и другую страну. Но зачем тебе это надо? Оливения крепко держит свое хозяйство, и все же мужская поддержка ей не помешает. Обживешься у нас, будет у тебя дом и семья, дети и уважение соседей. Я не думаю, чтобы ты хотел обокрасть Оливению и сбежать с ее деньгами?

— Я никогда не обижал женщин, Бертиозис! Но к чему ты толковал про огирскую границу и ночного призрака?

— А вот к чему. Если ты всерьез намерен остаться жить в Коринфии, я помогу тебе всем своим влиянием. Оливения — моя племянница, и я чувствую некоторую ответственность за ее судьбу. Но пока я хотел бы послать тебя на огирскую границу. Туда же я посылаю мага Косталиса. Если призрак — порождение сверхъестественных сил, то уничтожить его — это прямая обязанность Косталиса. В этом случае ты окажешь ему любую посильную помощь, а потом вернешься и доложишь мне обстановку на границе. А если эта возня с призраком служит прикрытием для подготовки к войне, то ты постараешься предупредить меня об этом.

— А если я не успею предупредить?

— Тогда надеюсь, что ты примешь участие в этой войне. Я уже сейчас перевел на огирскую границу половину наших постоянных сил. Если начнется война, они будут сдерживать армию Офира, пока не подойдет ополчение. Ты, я думаю, будешь там полезен. Ты представляешь тактику сдерживания? Стычки с передовыми дозорами, засады и внезапные нападения... Ты сможешь проявить себя и стать потом сотником. Это немалая честь. Я мог бы послать с поручением кого-нибудь из своих проверенных людей, но это либо солдаты, которые могут сражаться и выполнять четкие приказы, но плохо ориентируются в политике, либо торговцы, которые оценят ситуацию, но не смогут решительно вмешаться в ход событий.

— Насколько сильна армия Офира?

— Насколько велик будет риск? Я принимаю меры, как военные, так и политические. Для Коринфии война может кончиться в самом худшем случае потерей южных районов. Ну а для каждого воина, который погибнет в этой войне, будет важна не столько сила армии, сколько его собственная удача.

— Бертиозис, риск меня не пугает, но я не привык строить далеко идущие планы. Тем более делать ставку на победу или поражение в войне. Сколько ты мне заплатишь за эту работу?

— Так ты все же не намерен оставаться в Коринфии?

— Не знаю. Я принимаю твоё предложение и постараюсь сделать все возможное, чтобы выполнить твоё поручение. Но мало ли что может произойти? Ты тоже смертен. Давай лучше договоримся об оплате.

— Хорошо. Я заплачу тебе двадцать золотых сейчас. И окончательный расчет — в зависимости от того, что будет происходить и как ты себя покажешь. Я заплачу тебе за каждый день двойную ставку коринфийского солдата, если войны не будет, и пятикратную, если тебе придется принимать участие в боевых действиях. Оплата выдающихся подвигов не оговаривается заранее, такие вещи оцениваются отдельно. Ну а военная добыча — естественно, это зависит только от тебя.

— Годится, — ответил Конан.

Плата была действительно неплоха для наемника, более того, Бертиозис шел на

некоторый риск, отдавая деньги вперед известному вору. Конан предполагал, что Бертиозис провоцирует его. Если Конан захочет сбежать с доверенными ему деньгами, то для Бертиозиса лучше, если это случится раньше. Но Конан не стал выяснять это открыто: они оба понимают ситуацию, к чему произносить пустые слова? Чтобы склонить собеседника ко лжи?

— Да, а что ты говорил о призраке? — спросил Конан. — Он убивает ходящих по ночам в одиночку? Только в одиночку?

— Именно так. Никогда не нападает на нескольких человек, только на одиночек. При этом на человеке не остается никаких ран, следов яда или удушения.

— Но если призрак нападает только на одиночек, то откуда стало известно, что это призрак? Кто—то же его должен был видеть? Или у вас там, на южной границе такие следопыты, что распознают следы призраков?

— В том—то и дело, что следов он никаких не оставляет. И видели его только издали, шагов с пятидесяти, не ближе. Ну, собственно, что видели? Неясный образ в лунном свете. Нашлись там один маг и двое воинов, достаточно смелые и глупые, чтобы в одиночку попытаться выследить призрака. И наши силы уменьшились на одного мага и двух смелых воинов. Так что я тебе не советую повторять сей доблестный поступок. В общем, призраком должен заняться Косталис. Но если этого призрака вызвали огирские маги, то тебе придется охранять Косталиса, пока он будет занят магическим поединком.

— Не люблю я магов, — проворчал Конан, наливая себе в кружку вина.

— Ну и не люби! Но как я понял, твои встречи с другими магами заканчивались исключительно смертельно для этих магов... а с Косталисом ты разъехался все—таки без обоюдного ущерба. Так что не настраивай себя против него заранее. Он человек благоразумный и не спесивый. Я думаю, вы сработаетесь.

— Может, и сработаемся. Только чувствую я, что Косталис не очень—то обрадуется моей помощи! Он, вполне вероятно, пожелает не просто уничтожить призрака, а подчинить его своей воле и использовать по собственному усмотрению! А я ему в таком деле не помощник!

— Тут я с тобой согласен. Но, видишь ли, в чем дело — мне надо, чтобы призрака не стало. По крайней мере, не стало в моей стране. А что с ним сделает маг, меня интересует меньше всего — пусть он его уничтожит, прогонит, на цепь посадит или в рассоле замаринует!

* * *

Когда Конан подъезжал к границе с Огиром, навстречу ему уже шла волна войны. Не жалея коней, скакали от границы гонцы, разнося по стране весть о том, что огирские войска вступили на землю Коринфии. Пастухи угоняли стада скота, собирались отряды ополчения, остающиеся готовили тайники и укрытия. Сбор ополчения шел довольно организованно — отряды вооруженных мужчин постепенно собирались в армию. Пешие отряды шли к рубежу, расположенному в двух дневных переходах от границы, а конные устремлялись к границе, чтобы совместно с постоянным войском прикрывать сбор ополчения.

Под вечер Кокан смог разыскать сотника Пардика и передать ему пергамент от Бертиозиса.

— Ну, это все отменяется, — сказал Пардик, бегло просмотрев послание. — Сейчас мы отступаем на рубеж сбора ополчения и ничего, кроме как прикрывать отступление, я тебе предложить не могу. Боец ты, должно быть, неплохой, но если будешь сражаться с нами, запомни — никакой самодеятельности! Завтра утром мы встанем заслоном перед офицерами. Удержаться не удержимся, но передовые отряды нас с этой позиции не сбьют, им придется собирать армию в кулак, тогда мы отступим, но полдня их заставим потерять. Сейчас можешь устроиться, где найдешь свободное место в лагере, а завтра я тебя пристрою к кому —нибудь.

— А ночную вылазку делать не собираетесь? Я бы сходил тоже.

— Ты? Хм... Ладно, будь пока у ближайшего костра. Соберемся, я тебя позову.

Конан подсел к костру, возле которого как раз один из воинов рассказывал ополченцам:

— Вошли они, именем короля прочитали намерение искоренить злобного призрака, порождение зла. Для того идет на наши земли могущественный маг. А войска так — для охраны законных интересов короля Офира... И скорым маршем направляются вдоль по тракту. Выехали мы им навстречу — четыре сотни конных против четырех тысяч офицеров. Но мы встали у брода, так что мимо нас не пройти, сотник наш выехал и по всем правилам предложил им валить на хрен.

Они на это отвечают не хотите по—хорошему, давайте воевать, вот наш поединщик. И выходит вперед воин в сверкающих доспехах, высокий, с алебардой в руках. На другом конце алебарды — железный шар. У нас нашелся охотник сразиться, вышел в поле — офицеры обхочотались. Сущий мальчишка против их бойца. А паренек тем временем раскрутил прашу и залепил свинцовый шар прямо в голову офицеру. Такого удара хватит кому хочешь, хоть в шлеме, хоть без шлема. Но офицер только покачнулся и побежал на нашего. Тот влепил ему еще один снаряд, отбежал, начал в третий раз крутить прашу, но тут ему самому стрела в грудь пришла. И понеслась на нас вся эта масса офицерской конницы...

— И что было? — не выдержал один из слушателей.

— А ничего, — равнодушно ответил рассказчик, — развернулись мы и поскакали в отрыв.

— И офицеры вас не догнали?

— Нет. Потому что брод мы густо засыпали железным чесноком.

Вокруг костра раздался дружный хохот. Конан тоже усмехнулся. Железный чеснок — четыре штырька, сваренных так, что как его ни брось, он встает на три штырька, а четвертый торчит вверх. Наступить на него болезненно как человеку, так и лошади. Так что на переправе должна была получиться такая каша, что коринфийские воины не только могли оторваться от преследования, но и расстрелять на переправе половину офицерской конницы.

— Мы запасы железного чеснока пять лет готовили, — добавил рассказчик, — вот и пригодились.

— Но вообще — офицеры на Монстардинос идут?

— Конечно. Тут ведь как — мы стремимся их задержать, собрать ополчение и разбить их в поле. А они хотят разбить нас до того, как ополчение будет готово к битве, войти в Монстардинос победителями и подписать мир такой, какой им надо.

— Ну и как, сдержим мы их?

— Конечно. Мы, небось, думали, как будем встречать их баронскую конницу.

К костру подошел сотник Пардик и позвал Конана с собой. Отряд для ночной вылазки насчитывал два десятка воинов, командир отряда придирчиво осмотрел Конан, велел ему

надеть темную рубаху и зачернить смолой клинки кинжала и меча, чтобы не блеснули в темноте. Тут же Конану подали все необходимое. Вокруг приглушенно лязгало железо, притиралось снаряжение, проверялись луки. Наконец, по сигналу сели на коней и выехали из лагеря. Ехали лесом и в сгущающихся сумерках оказались на опушке. Впереди, в поле, шагах в пятистах был виден лагерь огирской армии.

— Правильно расположились, — сказал вполголоса командир отряда, — стрелами не достанешь, большим отрядом сквозь лес не подойдешь. И охрана ходит правильно — по двое и в виду друг друга.

Разведчики тем временем проверили окрестность леса и убедились, что огирских патрулей здесь нет.

— А чего же они в лес патруль не выслали? — спросил Конан.

— А для того мы им весь день покоя и не давали. Войско идет в окружении конной разведки, и впереди, и по флангам, чтобы противник не напал неожиданно. А мы весь день нападали на них. Так что разведка их жмется к основным силам. Выждем пару часов и сходим к их лагерю. Надо бы плена достать.

— Четыре тысячи конницы, я слышал?

— Да. И до трех тысяч пехоты. У нас должно собраться с ополчением до восьми тысяч пехоты и до полутора тысяч конницы. Но силы трудно сравнивать. У них пехота — вспомогательные силы, основная ударная сила — конница. А у нас пехота должна будет принять удар конницы и выстоять.

— Понятно. Как пойдем к лагерю?

— Выдвинемся на расстояние полета стрелы, пять человек пойдет и постарается взять часовых, на отходе прикроемся железным чесноком, и лучники нас поддержат стрелами.

Как всегда бывает в жизни, дело пошло не так, как задумывалось. Только собрались выдвигаться из леса, как к командиру бесшумно приблизился один из его разведчиков.

— Огирский патруль, — шепнул он, — с полсотни человек идут вдоль опушки леса. Выйдут прямо на нас.

— Ну что, киммериец? — спросил командир. — Покажем им, как сражаются настоящие воины?

— Конечно, — ответил Конан, беззвучно вынимая свой меч из ножен.

— Тогда делаем так: наши выстрелят, и мы с тобой атакуем. Наше дело будет — порубить как можно больше огирцев, а мои люди нас будут прикрывать и возьмут пленников.

— В спину по нечаянности не залепят?

— Боги посыпают нам удачу, киммериец. Месяц светит нам в спину. Все, затаились.

Патруль огирцев подошел к отряду разведчиков почти вплотную, когда раздался свист и воздух пронзили стрелы. В группе огирцев раздались крики боли и проклятия, но там тоже были люди опытные, определили плотность залпа, что стрелков не очень много, что расстояние до стрелков мало, и почти сразу раздалась команда офицера:

— Вперед, руби их!

Огирцы набежали плотной кучкой, и навстречу им бросились Конан и командир. Молниеносными ударами они сразили первых противников, а второй залп стрелков поразил тех огирцев, которые оказались справа и слева от основной группы. И началась мясорубка. Огирцы были уже так близко, что стрелки оставили луки и схватывались врукопашную. А в центре битвы властвовал киммериец. Он вырвался вперед и рубил врагов как ангел смерти.

Ни о каком фехтовании думать было невозможно, набегающие солдаты видели перед собой только темный силуэт и получали удары меча Конана, не успев понять, откуда на них рушится этот удар. Командир чуть отстал от киммерийца и, сообразив, что в такой ситуации главное — не мешать Конану, стал прикрывать ему спину, встречая точными ударами тех офицеров, которые пытались обойти свирепого бойца. Конан полностью отдался ритму боя. Стремительно нанося удары, он совсем не думал о защите, он доставал противников раньше, чем они могли дотянуться до него иди защититься от его ударов. А сила его ударов была такова, что одного удара хватало с избытком, чтобы выбить из боя любого противника.

И оказалось, что численное превосходство офицеров вдруг исчезло, как туман. И самые смелые с отчаянием кинулись на Конана с последней надеждой достать таки этого грозного воина, самые трусливые побежали к лагерю, призывая подмогу громкими криками, а самые умные затаились во тьме, надеясь отсидеться и уцелеть. И не повезло ни первым, ни вторым, ни третьим. Конан срубил последних офицеров, атаковавших его, и напряженно замер, ожидая, не появится ли еще какая опасность. Стрелки расстреляли из луков бегущих к лагерю и теперь быстро проверяли окрестности в поисках притаившихся умников.

Конан порылся в куче порубленных им воинов, срывая с них кошельки, цепочки, амулеты и засовывая себе за пазуху. В лагере услышали шум битвы и крики, там бегали и сутились, но пока на помощь патрулю подоспел новый отряд, коринфийские разведчики уже садились на коней. С собой увозили пятерых своих раненых и двоих пленных, взятых в рукопашной. Разведчики уходили знакомыми тропами, бросив позади несколько горстей железного чеснока.

Приехав к своим, сдали пленников для допроса сотнику Пардику, разбудили лекаря, чтобы он занялся ранеными, и отправились спать. Разведчики были слишком измотаны, чтобы обсуждать вылазку, но по сдержанным репликам и общему настроению чувствовалось, что они оценили силу и ловкость киммерийца.

Утром разведчикам дали отдохнуть чуть дольше, чем остальным. Конан умылся и переложил трофеи в свой кошелек. Конные сотни коринфийцев уже заняли подготовленную позицию. Разведчики в составе отборного отряда стрелков сотника Пардика выехали позже.

— Ты хорошо себя показал, Конан, — приветствовал его сотник. — Я оставлю тебя в своей сотне. Мы обычно занимаемся разведкой, рейдами, засадами, а битве стоим позади всех, чтобы ударить в критический момент боя. Согласен?

— Согласен.

— Пленные рассказали, что армию ведет граф Тормез. То есть это не королевская армия, а дружины северных баронов — вассалов графа. Тем лучше для нас.

— То есть можно будет обратиться к королю с жалобой на действия графа?

— Э, нет! Если мы разобьем войска графа, то король сделает вид, что граф действовал против его воли. А если граф победит, то захватит часть наших земель именем короля. И король возражать не станет. Так что биться нам придется в любом случае. Единственное, что здесь оказывается в нашу пользу, — баронские дружины будут биться по собственному усмотрению, без единого руководства.

— А нельзя ли попытаться разжечь какую-нибудь застарелую вражду между баронами?

— Нет. То есть я знаю, что некоторые бароны не очень ладят между собой, но в офицерской системе это не имеет большого значения. Если враждующие бароны подчиняются одному графу, он не допустит, чтобы их вражда привела к ослаблению одного из них и усилению другого в этой вражде. Он просто вынесет вердикт и потребует прекратить

враждебные действия.

— А если барон не согласится с вердиктом?

— Тогда против него выступят все вассалы графа, и он не устоит. Точно так же, если граф не подчинится королю, на него будет двинута объединенная сила других графов. Весьма устойчивая система. По крайней мере, пока королевская власть сильна. Но сейчас важно не это. Граф Тормез обзавелся поддержкой весьма сильного мага. В войске ходят слухи, что маг обещал графу, во—первых, неуязвимость, во—вторых, бессмертие. Пленные не могли объяснить, как это надо понимать.

Отряд сотника Пардика выехал на небольшой холм, и перед ними открылась позиция войск.

Дорога проходила здесь между двух лесов, и коринфийцы перекрыли проезд срубленными деревьями, так что оставался только узкий проход. Позади завала располагались отряды конных лучников.

— А обойти нас они не могут? — спросил Конан.

— Могут, конечно. Но для этого им придется дробить силы и тратить время. Так что, скорее всего они будут пробиваться здесь.

Действительно, по ту сторону завала огирские войска строились для атаки. Отряды пеших лучников выдвигались на дистанцию прицельной стрельбы, конница готовилась к атаке. Потом вперед вышел высокий воин, весь закованный в сверкающие доспехи, с алебардой в руках, с красным султаном на шлеме. Он уверенно шел к завалу, выкрикивая вызов на поединок. Лучники, вышедшие на линию стрельбы остановились было, потом начали очень медленно продвигаться вперед, сокращая дистанцию.

— А выйду я против него? — обратился Конан к Пардику. — Посмотреть хочу, какую это неуязвимость ему наколдовали. Вот только прочность его доспехов я проверять своим мечом не хочу. Найдется для меня секира на длинном древке?

Секиру нашли. Тяжелая секира на древке, окованном железом, была более пригодна для того, чтобы прорубать ворота крепостей, чем для поединка в поле, но Конан остался ею доволен. Сейчас для него было главным получить орудие с возможно более тяжелым ударом. Конан подъехал к завалу, спешился и пошел навстречу рыцарю. Они сошлись, раскручивая каждый свое оружие, чтобы использовать набранную скорость движения, нанести удар быстро и сильно.

Рыцарь ударил первым. Он отлично владел алебардой, но недооценил скорость движений Конана. Тот мгновенным движением в сторону пропустил смертоносное лезвие мимо себя и нанес удар сам. Секира врезалась между шлемом и латами рыцаря, и тут же Конан вынужден был отскочить, чтобы не получить удар тупым концом алебарды с тяжелым железным шаром.

Конан ничего не понял — его секира как будто ударила по железной статуе. Будь доспехи рыцаря трижды непробиваемыми, удар такой силы должен был снести его с ног! А рыцарь уже насыпал на Конана, атакуя то лезвием алебарды, то шаром. Конан уклонялся, отбивал удары, потом смог разорвать дистанцию, крутанул секиру и снова пошел в атаку.

В этот раз он смог рубануть рыцаря по ноге, принял удар алебарды на древко секиры, мгновенно отметив краем сознания, что его удар вновь не причинил рыцарю никакого вреда, сцепил лезвие секиры с лезвием алебарды, и, удерживая секиру одной рукой, другой рукой схватился за тупой конец алебарды.

Поединок из оружного боя превратился в борьбу. Рыцарь сделал несколько рывков,

убедился, что не может освободить свое оружие, выпустил его из рук и ударил Конана рукой в латной перчатке. Удар рассек киммерийцу бровь и заставил отшатнуться. Рыцарь размахнулся снова, но Конан бросился вперед, отбросив оружие в сторону, обхватил рыцаря руками, напрягся, оторвал его от земли и швырнул на землю.

Не дав ему опомниться, Конан тут же бросился на него сверху, заломил руку, взвалил себе на спину и побежал к своим. Стрелы били ему вслед, рыцарь дергался и ругался. Лучники Коринфии тоже начали стрельбу, и под их стрелами дрогнули огирские стрелки, кто из них падал, пронзенный стрелой, кто бежал назад, кто просто не мог стрелять в суматохе. Но огирская конница уже настигала Конана. Он задыхался под тяжестью рыцаря и слышал за своей спиной топот коней.

— Бросай, не успеешь! — кричали с коринфийской стороны.

Конан свалил рыцаря под копыта настигающих его лошадей и стремительным броском ушел в засеку. На выходе ему сразу подвели лошадь, и он поскакал прочь. Огирские конники прорывались сквозь завал, другие растаскивали стволы, чтобы освободить проход. Огирские военачальники вновь организовали своих стрелков, те под прикрытием щитоносцев вышли к завалу и снова повели стрельбу.

Мелкие отряды огирцев просачивались через лес справа и слева от завала. Пардик скомандовал отступление. Коринфийские лучники отбили охоту у самых быстрых огирских наездников преследовать их малыми силами, — поэтому отступили в полном порядке.

— Ну и как тебе этот Неуязвимый? — спросил сотник подъехавшего Конана.

— Проклятая магия, — проворчал Конан, — я как будто по скале бил секирой. Ладно бы это были просто непробиваемые доспехи, но мои удары должны были сбить его с ног, даже не пробив доспехов.

— Это я и так понял, — возразил сотник, — меня больше волнует — как мы будем его сдерживать в день большой битвы?

— Да так же, — усмехнулся Конан, — ему можно спутать ноги, можно накинуть полотнище ткани на голову, можно удержать алебарду и не дать сражаться... Если он Неуязвимый, то достаточно легко будет с ним справиться, не уязвляя его!

— Видишь ли, если он будет снова действовать в одиночку, то да. Но я полагаю, что он уже наигрался в неуязвимость и будет идти в бой не в одиночку, а во главе отряда, да под прикрытием лучников. Именно для того, чтобы сокрушать наши ряды, не опасаясь попасть в какую-то ловушку. И мне становится не по себе, когда я представляю себе, как он вломится в строй нашего пешего ополчения... А этого не избежать, потому что в поле наша конница не сдержит огирскую. У нас здесь всего шесть сотен воинов, остальные — ополченцы. Среди них есть неплохие наездники, стрелки, но сражаться в конном строю они не приучены. Я пытаюсь использовать их в засадах, для того, чтобы гонять мелкие отряды огирцев. Но в поле, если придется бросить их в сшибку грудь на грудь, они просто полягут, и все.

— Нам навстречу кто-то скачет...

Это оказался маг Косталис с шестеркой слуг.

— Приветствую тебя, Пардик, — сказал он. — Меня вызвал Бертиозис по поводу призрака, появившегося в приграничье. Но в дороге я узнал, что сейчас у нас будут другие задачи...

— Именно. И мы очень рассчитываем на твою помощь, уважаемый Косталис. То есть мы делаем все, чтобы военные действия сложились для нас успешно, а вот принять меры против магического вмешательства со стороны огирцев — тут мы надеемся только на тебя.

— А что, были уже такие случаи?

— Граф Тормез пользуется доспехами с заклятием неуязвимости, — сказал сотник, — а пленные говорят, что маг обещал ему еще и бессмертие.

— Вот как, — задумался Косталис, — интересно...

— Мы тут придумали несколько способов, как управляться с Неуязвимым, — продолжал сотник, — не далее, как сегодня утром наш друг Конан успешно с ним сразился и едва не пленил его. Конан из Киммерии, он тебе знаком.

Маг отыскал глазами среди сопровождения сотника Конана и возмущенно возопил:

— Ну, конечно! Без этого разрушителя обойтись никак нельзя было! Пардик, я не понимаю, зачем тебе моя помощь, если у тебя есть этот варвар? Пошли его, и он сокрушит любое магическое влияние на расстоянии в десяток миль! Ему вон даже Неуязвимого уделать проще, чем твоему десятнику наорать на новобранца. Зачем тебе еще и маг, Пардик?!

— Чего ты так кипятишься, Косталис, — спросил Конан, усмехаясь. — Вроде бы мы с тобой мирно разъехались?

— Мирно? Мирно! То есть мне еще надо поблагодарить всех известных мне богов, что когда ты уехал из моей башни, она стояла невредимой, а не лежала кучей дымящихся руин? А я за свои труды по изгнанию демонов не остался лежать с перерезанным горлом? А?!

— Ну... да...

— Тихо! — рявкнул сотник. — Конан, не дразни мага, нам без него не обойтись! Косталис, этот киммериец сейчас — один из лучших бойцов в нашей армии. И доверенный посланник тысячуника Бертиозиса. После разгрома офицеров ты сможешь обсудить с Бертиозисом размеры причитающегося тебе вознаграждения, включая ущерб от киммерийца. А сейчас я запрещаю склоки!

Косталис сделал обиженное лицо, но замолчал и продолжил путь со своими слугами в некотором отдалении.

Отряд Пардика остановился в одной из деревень. Конан прикинул, что здесь была примерно треть коринфийских конников. Остальные остались изматывать врага — угрожать фланговыми ударами, доставать стрелами и отходить, не принимая боя.

Сотник расположился в таверне, и туда постоянно подъезжали гонцы с сообщениями о продвижении неприятеля. Вот подъехал отряд в полсотни человек, командир отправился в таверну, а остальные устали расседливали коней.

— В засаду влетели, — объяснил один из них в ответ на вопрос одного из любопытствующих, — семерых потеряли.

— В засаду? Как вам на ровном месте это удалось?

— Слушай, если ты дурак, то лучше помолчи, ладно?! На ровном месте... Встретили разъезд офицеров в десяток конников, погнались за ними. А они привели нас в засаду — в ровном месте едут два отряда, а отступающие уходят между ними. И вокруг нас вдруг оказываются враги — и справа, и слева!

Подошедший воин позвал Конана к сотнику, они вместе прошли к магу, который в уединенной комнате раскладывал свои магические приспособления.

— Ну как, что-нибудь получается? — спросил сотник.

— Что-нибудь, — пробормотал Косталис, на правил на Конана жезл с голубым камнем в навершии и начал шептать непонятные слова.

Конан схватился за рукоять своего меча и шагнул в сторону.

— Ты это прекрати! — потребовал он угрожающим тоном. — Я по горло сыт магическими штучками и не потреплю, чтобы их на мне применяли снова!

— Успокойся, — примирительно сказал маг, — я ничего не собираюсь делать с тобой... — Подумал и добавил: — Без предупреждения.

— И с предупреждением не надо, — твердо сказал Конан, — если не хочешь попробовать остроту моего клинка. Без всякого предупреждения в любом случае.

— Говорю же тебе, успокойся! Просто ты сегодня был в непосредственном контакте с Неуязвимым, и на тебе осталась аура его магии. Я ее чувствую. Иначе бы я тебя близко к себе не позволил бы допускать. Да, — обратился Косталис к Пардику, — я воспользуюсь этим следом магии, чтобы дотянуться до огирского мага.

— Когда? — спросил сотник. — Завтра утром мы должны покинуть это место.

— Когда? — переспросил маг. — Это несущественно. Сейчас меня ограничивает не время, а место. Здесь слишком людно! Невозможно работать. Мне нужно чистое пространство, желательно какой-нибудь холм, возвышенность. Найдется здесь такое?

— Найдется. В миле отсюда.

— Вот и хорошо. Значит, мы с киммерийцем едем туда. Кто-нибудь покажет нам дорогу?

— Покажет. Более того, я намерен дать вам сотню воинов для охраны.

— Давай полсотни, — поморщился маг, — и пусть они будут от нас шагов, скажем, за пятьсот. Да, ближе не надо.

— Хорошо. То есть с внешней стороны они вас прикроют. А вам самим помочь точно не понадобится?

— Точно. Я все подготовлю и выйду. Конан с Пардиком спустились в таверну, где сотника уже ждали двое гонцов. Один доложил о передвижение огирцев, другой был от Бертиозиса и сообщил, что сбор ополчения идет успешно, и поле для битвы готовится в одном переходе от Монстардиноса.

— Скажи, Пардик, — сказал Конан, — ты вроде бы сотник, один из нескольких, а командуешь сейчас войском в полторы тысячи человек. Это как?

— К началу большой битвы каждый сотник будет иметь в подчинении от пятисот до двух тысяч человек. А на немедийской границе у оставшихся там сотников может остаться от двух десятков до полусотни воинов. Все силы стягиваются для большой битвы, а оставшиеся на спокойной границе просто набирают в состав своих сотен ополченцев и демонстрируют немедийцам, что граница по—прежнему плотно прикрыта. А я — я командую войсками по оговоренному заранее плану. Бертиозис сейчас готовит ополчение, вооружает безоружных и направляет их на выбранную позицию. А командовать войсками буду я.

* * *

Когда граф Тормез после утреннего поединка вошел в свой шатер, он уже не кипел гневом, а лишь тихо клокотал. Он резкими движениями расстегнул сложную застежку пояса, и сверкающий металл доспехов растекся, свернулся в ртутные капли и втянулся внутрь пояса. Граф с силой швырнул пояс в раскрытый дорожный сундук и рявкнул оруженосцу:

— Мага ко мне! Быстро!

Маг Азаликс появился у графа полгода назад и продемонстрировал поистине великие

умения. Правда, граф пока не рискнул опробовать на себе эффективность бессмертия. Бессмертие маг показывал на себе — позволил разрубить себя мечом, после чего превратился в туманное облако и восстановился в течение нескольких минут в прежнем виде. Граф сам наносил удар и вполне был уверен, что это была не иллюзия. Правда, сначала маг вызвал призрака и отдал ему жизнь одного за другим двух заключенных из темниц графа. Потом маг стал выпускать призрака за добычей на территорию Коринфии.

Вдохновленный открывающимися возможностями, граф подготовил завоевание южных районов Коринфии, в перспективе рассчитывая на борьбу за огирский престол либо за создание собственного королевства. Почему нет, если соседняя страна ждет только решительного вождя, который превратит ее в могущественное королевство?

— Повелитель звал меня? — В шатер вошел маг.

— Да! Ты видел поединок? — Да.

— И что? И чего стоит твоя хваленая неуязвимость? Если и обещанное тобой бессмертие окажется такой же пакостью, то не знаю, чем я вознагражу тебя!

— Я дал именно то, что обещал, — возразил маг, — не больше и не меньше. Любое могущество имеет свои пределы и должно использоваться осмысленно. И на любую силу найдется еще большая сила.

— Раньше ты этого не говорил!

— Раньше повелитель слышал только то, что хотел слышать. Даже бессмертие может быть весьма омрачено. Поэтому я всегда наготове, чтобы своими заклинаниями отвести опасность.

— Как бы то ни было, я не получил то, на что рассчитывал!

— Значит, теперь повелитель будет более верно оценивать свои силы и мои возможности.

Тем временем стали поступать сообщения о том, что коринфийцы отступили, и войска двинулись вперед. Граф распорядился своей свите тоже готовиться к маршру. Он перестал реагировать на сообщения о противодействии коринфийских отрядов, ему стало все равно. Его военные советники при подготовке войны ставили основной задачей навязать коринфийцам сражение как можно раньше, чтобы они не успели собрать все свои силы.

Смешно! Чем больше ополченцев собирается для решающей битвы, тем сокрушительнее будет их разгром! Перед мысленным взором графа отчетливо представлялась картина того, как его тяжелая конница врежется в строй пехоты противника, сминая его, смешивая в беспорядочную толпу, которая уже не сможет сопротивляться и будет беспощадно истреблена и разогнана. А потом можно будет договориться с королем Немедии о разделе Коринфии. И Аквилония просто не успеет что-либо предпринять, как бы потом ни верещали ее послы. А телохранителей надо будет набрать иноземных, они вернее служить будут... День начал клониться к вечеру, когда Азаликс, ехавший неподалеку от графа, резко остановил своего коня, выхватил магический жезл и стал озираться, прислушиваясь к чему-то неведомому. Перед ним появилось слабо светящееся пятно, маг нацелил жезл на это пятно и вдруг рухнул, обливаясь кровью. Граф велел приближенным разогнать посторонних и еще раз смог посмотреть, как Азаликс восстал невредимым после явно смертельного удара.

— Что это было? — спросил граф. Азаликс невнятно выругался и посмотрел на графа ошарашенным взглядом.

— Коринфийский маг, — наконец произнес он, — нашел меня. Но я ведь его уже

держал. Кто же это меня так?..

* * *

Конан с Косталисом прибыли на указанное им место, оставили охрану у подножия живописнейшего холма, а сами поднялись на него.

— Замечательно, — сказал маг, — чистое место, ничего не помешает.

Он с помощью своих талисманов выверил направление, обратившись на юг, разложил в нужном ему порядке деревянные дощечки с магическими символами, достал свой жезл и велел Конану занять место в двух шагах перед ним.

— Не надо смотреть на меня так, будто собираешься продырявить меня взглядом, — сказал маг, — ничего я тебе не сделаю.

Конан ничего не сказал на это, но извлек свой меч из ножен. Косталис поморщился, но возражать не стал. Через несколько минут после начала магической процедуры в воздухе перед ними возникло туманное облачко.

— Есть, — произнес Косталис, — я его нашупал!

Облачко вдруг просветлело, и в слабо светящемся круге появилось лицо огирского мага — смуглое, морщинистое, с пронзительным взглядом черных глаз. На голове мага был пестрый тюрбан — головной убор, защищающий и от солнечных лучей, и от вражеских ударов.

Косталис бормотал свои заклинания, но огирский маг уже направил на него свой жезл, и Косталис замолчал. Взгляд его обессмыслился и потускнел. Медленно поворачивая свой жезл, огирский маг начал тоже произносить заклинание, но Конан не собирался дожидаться результатов этого заклинания.

Он мгновенно вскинул свой меч и длинным выпадом вонзил меч в горло вражескому магу. Светящееся кольцо покраснело, сжалось, и в руках Конана осталась рукоять меча с жалким осколком вместо клинка.

— Ты это чего, — раздался полузадушенный голос Косталиса, — ты его мечом?

— Ага. Скажи еще, что я опять тебе все испортил!

— Гхм... Нет, наверное. И ты его убил?

— Ну, если он не сможет жить с перебитым горлом и позвоночником, тогда я его убил.

— Убил?.. Не похоже... У мертвых аура затухает, а у него пульсирует.

Косталис смотрел на свой жезл и как будто к чему-то прислушивался.

— Тогда в следующий раз сам с ним разбирайся. Если сможешь!

Маг смутился:

— Я ведь понял, чем он меня взял. Только он на самом деле очень сильный маг. Он так быстро наложил на меня заклятье, что я просто не успел что-то сделать. Хотя мог бы. Но не успел.

— Косталис, не смеши меня. В бою цена такому «не успел» — жизнь. И, кстати, ты мне должен новый меч!

На следующий день отступающие отряды коринфийцев соединились с пешим ополчением. Пардик встретился с Бертиозисом и другими старшинами Монстардиноса, которым было поручено вести войну. Военный совет был единодушен: занять подготовленную позицию и дать бой огирской армии. Передовые отряды огирцев встретили

плотной Стрельбой и атаками конницы, так что те отошли и стали ждать подхода основных сил. То, что завтра бой, было ясно всем. Пардик с Конаном поехал посмотреть на поле.

Пехота встанет здесь, — показывал сотник, — левый, фланг прикрыт низинкой, заросшей кустарником. Здесь позади пехоты поставим четыре сотни конных лучников. Они будут прикрывать пехоту стрельбой из луков и пойдут на подмогу, если офиры пробьют строй. Позади правого фланга холмы, и там я поставлю резерв — восемь сотен конников. Я сам буду там и тебе предлагаю пойти со мной. Если наша пехота выдержит первый удар конницы и сможет опрокинуть ее, мы пойдем вдогон. Все трофеи наши будут!

— Хорошо, — согласился Конан. Ему уже нашли и новый меч, и шлем, и кожаный доспех, обшитый железными пластинами.

Они возвращались, слыша разговоры у костров, где воины наставляли новичков:

— ...если возле тебя раненый враг оказался, то сразу добей его, пока он тебя из последних сил сам не ударили...

— ...тяжелый удар, когда принимаешь на щит, то щит поверни, чтобы не вся сила на тебя пришлась, а удар соскользнул в сторону...

— ...если тебя конный саблей достать хочет, то не пытайся отразить этот удар, а сам его рази...

— ...и как бы тебе ни было страшно, стой крепко, потому что побежишь — не спасешься...

И чей-то пьяный голос:

— А ты разве знаешь, как это бывает? Когда копье пробивает твой щит, и раскрывается внутрь доска щита, пропуская стальной наконечник, и он вонзается в твой доспех, и железо рвется под его напором, вонзаясь тебе в грудь...

И вот настало утро следующего дня. С первыми лучами рассвета армия Коринфии уже стояла в поле. Стояли молодые парни, ни разу в жизни своей не убивавшие врага, но готовые всю кипящую энергию свою вложить в тот миг удара, который решает — ты сразишь врага, или он тебя. Легко убивать в бою, когда нет времени раздумывать, вникать в свои ощущения и сомневаться. Стояли зрелые мужи, главы семей и домохозяева. Они пришли исполнить тяжелую грязную работу, которую необходимо сделать, хотя бы тебя потом и унесли с поля мертвым. Есть в мире вещи поважнее, чем собственная жизнь. Люди тысячи Бертиозиса, возами вывозившие запасы оружия из городского арсенала, смогли вооружить всех, кто пришел со своим оружием мало подходящим для битвы. Сотники накануне рассортировали ополченцев по вооружению, чтобы щитоносцы и пикинеры не встали вразнобой, а стояли в правильном строю. Воинов с самыми лучшими доспехами ставили в центр, остальных — по флангам, где их будут прикрывать лучники и конница. Каждому пехотинцу пытались вдолбить железное правило: главное — это удержать строй. Если сомнут, сдавят, то бойцы будут мешать друг другу, и разгром неминуем. Передовые отряды конников Офира и Коринфии проехались друг перед другом, показывая готовность не пропустить вражеские разъезды к основным силам, и тут же отошли назад. На поле выдвигалась офицкая армия. Баронские дружины выезжали на позицию атаки, лучники выходили на дистанцию прицельной стрельбы. И вот зазвучали рога. Тяжелая конница, набирая скорость, двинулась вперед. Пока конница проскакала расстояние до коринфийцев, стрелки успели дать пять залпов. В гущу людей не промахнешься, но первые ряды прикрыты щитами и доспехами, хотя некоторые стрелы нашли открытые места.

— Хар—р—р! — кричат всадники, налетая на строй коринфийцев.

Будь ты как угодно силен, ты не сможешь остановить всадника, несущегося на тебя! И тебе некуда отступить или уклониться. Это смерть!

И вдруг неудержимая конная лава сорвалась, как волна на мелководье. Перед правым флангом пехоты поднялись грубо сбитые из досок щиты в рост человека, лежавшие под слоем скошенной травы. На левом фланге перед конницей оказались замаскированные ямы, а центр ощетинился длинными копьями. И нашли свою цель стрелы, пущенные конными стрелками из—за пешего строя. И падающие лошади преградили дорогу своим же конникам. И бесполезны тебе сила и ловкость, воинская выучка и доблесть, потому что ты сдавлен своими же воинами и помышляешь только о том, как выбраться из этой ловушки. И качнулся было вперед строй коринфийского войска, чтобы навалиться на беспомощного врага и бить его, пока он не в силах защищаться!

Но вдруг ударил по войску налетевший вихрь, запорошил глаза, перебил дыхание, толкнул в щиты, не давая сделать шаг. И этого хватило, чтобы офирские конники, разворачивая коней, поскакали назад.

Позади пешего войска сотник Пардик осыпал немыслимыми проклятиями офирского мага.

— Сорвалось! — рычал он. — Видишь, киммериец? Мы бы погнали их, и вырубили бы их пехоту, и бросили вдогон конницу! И сорвалось!

Вмешательство офирского мага в критический момент боя действительно помогло коннице отойти и перегруппироваться. Только на левом фланге отступающая конница смяла своих же пехотинцев, а на правом те успели отойти в сторону. Перед строем коринфийской армии осталось лежать до полутора сотен убитых, но ловушки были уже вскрыты, большие щиты разбиты. Сотники спешно восстанавливали строй. Офирская армия перестраивалась — все лучники сместились на правый фланг и дали десяток залпов, так что правый фланг коринфийской пехоты дрогнул и заколебался.

Коринфийские конные лучники тоже сместились на правый фланг и начали стрельбу по атакующей офирской коннице. Та сейчас обрушилась на ослабленный правый фланг, чуть следом шла атака дружин на центр, чтобы не дать ему развернуться на помощь правому флангу. Воины левого фланга вообще оказывались вне битвы. По сигналу Пардика, конные лучники обошли правый фланг и ринулись в атаку. А тяжелая конница уже врезалась в правый фланг. Там была мясорубка — смешались и ряды пехоты, и конницы. Падающие кони, всадники, поражаемые секирами на длинных древках, кони без всадников, обезумевшие от этого ада.

Обе стороны одинаково яростно рубились, не в силах сбить противника с позиции и добиться перелома в битве. Коринфийские конники ударили сбоку и едва не обратили офирцев в бегство, но новый отряд конницы пришел на помощь офорцам, и лучники стали бить по коринфийской коннице. Вновь возникло шаткое равновесие боя.

«Пора!» — решил Пардик.

По его сигналу, скрытые за холмом восемь сотен конницы пошли в атаку. Офиры, если и увидели надвигающуюся опасность, то отреагировать на нее уже не успели — атакующую конницу не развернешь в один миг. И вот, когда офирская конница уже врезалась в центр пехоты, коринфийские всадники ударили во фланг офирам, и те не выдержали удара, побежали. Конан скакал в первых рядах всадников, и его длинный меч не раз достал спины и шлемы офирских воинов. Потом они врезались в отряд офирских лучников, порубили и разогнали их, открыв дорогу к вражескому знамени.

И тут удача отвернулась от них. Атакующих встретил граф Тормез в своих неуязвимых доспехах, во главе своей гвардейской сотни воинов, прикрытый сотней лучников резерва. Нечего было думать о том, чтобы справиться с графом в, такой обстановке, а сам он встречал прорвавшихся конников смертоносными ударами своей алебарды. А когда последний отряд огирской конницы ударили плотной массой в развернутый строй коринфийцев, прозвучал приказ отходить.

Тем временем огирские бароны смогли пробить строй коринфийской пехоты в центре, но битва, разгоревшаяся у них в тылу, не дала им возможности закончить разгром пехоты. Разбитый центр и наполовину уничтоженный правый фланг перестроились и, прикрываясь пиками, отошли в болотистую низину. Вскоре вся пехота скрылась в зарослях кустарника. Остатки коринфийской конницы, отбиваясь, отошли за холмы. Там их встретили Бертиозис, Пардик и прочие старшины Монстардиноса.

— Ну, я не понял, — сказал Конан, — битва проиграна?

— Не все так просто, — ответил Пардик, — мы не смогли разбить врага, но и не дали ему разбить нас. Ситуация взаимной связки. Граф не может стоять здесь долго. Хотя поле боя осталось за ним и он может считать себя победителем, но если он пойдет брать Монстардиноса, мы можем атаковать его с тыла.

— Он не возьмет город в любом случае, — сказал Бертиозис. — Завтра к нам подойдет конный корпус аквилонцев. Не для участия в войне, нет, но я договорился об их участии в мирных переговорах. Вооруженная поддержка — сражаться они не собираются, но само их присутствие заставит огирцев быть осторожнее.

— Отличный ход! — воскликнул Пардик.

— Да, — согласился Бертиозис, — на подарки наместнику я не поскупился. Городскому Совету придется раскошелиться, оплачивая эту войну.

— Кстати об оплате, — вмешался в разговор Конан. — Я на этой войне убил уже не один десяток врагов, но все мои трофеи остались лежать на поле боя.

— Не беспокойся, никто не пошлет тебя собирать трофеи там, где ты их оставил, — усмехнулся Пардик. — Бертиозис, киммериец заработал не менее пятидесяти золотых!

Тысяник порылся в сумке и достал увесистый кошелек.

— Держи. Я рад, что в тебе не ошибся.

— Так, — вспомнил Пардик, — а где наш маг? Чем он занимается? Меня интересует, что нам еще ждать от вражеского колдуна?

Косталис подъехал на зов:

— Я не смог помешать огирскому чернокнижнику в первый раз, но потом вынудил его на магический поединок, и он не смог снова повлиять на ход битвы. Он очень силен, я только и мог, что сдерживать его. Он крайне опасен, я не смогу справиться с ним один на один.

— Я ведь вонзил ему в горло меч, — удивился Конан, — у него явно хрустнул позвоночник! После такого не живут! Проклятая магия... Я бы взялся проникнуть в лагерь огирцев и убить его еще раз... Пардик, твой отряд разведчиков может снова сходить со мной на вылазку?

— Сможет.

— Нет смысла убивать огирского мага, — возразил Косталис, — он опять оживет. Не зря он обещал графу бессмертие. Он не стал бы обеспечивать этим даром графа, если бы сам не мог им воспользоваться. Вот что... надо похитить огирского мага! Причем вместе с его

магическими артефактами. Тогда я смогу с ним разделаться.

— Оглушить, связать и привезти к нам, — сказал Конан, — пожалуй, это можно попробовать. И собрать все его барахло...

Офиры собирали раненых и хоронили убитых. Их конные отряды разъехались по окрестностям, вылавливая коринфийцев, отбившихся от своих. Конан с отрядом знакомых разведчиков осторожно проехал лесом и с опушки рассматривал лагерь. По дневному времени часовые еще не были выставлены, потому что вся округа контролировалась офирами.

— Так, вот шатер графа, — рассуждал командир разведчиков, — в центре лагеря, это правильно. Шатры баронов, по рангу их вокруг, палатки с ранеными, вон в низинку солдаты за водой пошли, а вот с краю шатер, это и должен быть шатер мага. Точно, на отшибе стоит, от солдат подальше, чтобы колдовать не мешали... А вот на месте он или нет? А какая разница?! Если он там, мы его берем, если его нет, ждем, пока не придет! Правильно?

— Правильно, — согласился Конан, — главное, без шума все сделать.

Конан и трое разведчиков замаскировались ветками и осторожно подкрались к шатру мага. Двое скользнули внутрь, а двое других в тот же миг расположились ткань снаружи. В один миг слуги мага были перебиты, не успев раскрыть рта, а самого колдуна Конан приложил кулаком так, что он рухнул без сознания. Разведчики мгновенно связали мага, заткнули ему рот, поснимали с него перстни, амулеты, забрали жезл. Конан быстро обшарил вещи и обнаружил объемистый ларец, закрытый на замок.

— Кажется, все! Уходим.

Они были на полдороге к лесу, когда их заметили. В лагере поднялась суматоха, но пока погоня достигла леса, Конан с добычей уже скакал прочь. Тем временем разведчики встретили погоню стрелами, а потом начали уходить вглубь леса, уводя погоню за собой. Не все они потом вернулись к своим, но Конан беспрепятственно проехал в чащу, сделав крюк, чтобы не встретиться с офицерским разъездом.

Через час он выехал к своим. Конана позабавила мысль о том, что коринфийцы теперь для него — «свои». Всегда он сражался только за себя. Женщины охотно дарили ему свою любовь, но ни одна из них не была лучше другой. Боевые друзья охотно сражались рядом с ним, потому что он был силен и удачив, но Конан не заблуждался в прочности этой дружбы. Воины, чья самоуверенность намного превышает их боевые возможности, торговцы, которые копят деньги, но не успевают ими воспользоваться, властители, которые тратят свою власть на исполнение дурацких прихотей...

Коринфийцы были не то, чтобы другие, они тоже любили деньги и власть, так же боялись за свою жизнь и свое жалкое имущество, но было в них что-то настоящее. И то, что в Монстардине практически не было воров. И военачальники, берегущие своих солдат. И ополченцы, вышедшие биться с захватчиками без принуждения, по своей воле... В других странах война была делом солдат, население спокойно ждало, чем закончится война и кто окажется их повелителем...

Конан подъехал к своим и спрыгнул с коня:

— Вот, — объявил он, — офицерский маг. Пригоден к употреблению. Здесь будем его потрошить?

Косталис возбужденно перебирал вещи, отобранные у офицера мага, нашел ключ, открыл ларец и извлек из него сосуд темной меди, покрытый мелкой вязью символов.

— Ого, — провозгласил он, — с этим мы будем работать.

Он бросил оставшиеся вещи в ларец и закрыл его.

— Мне нужно свободное пространство, — заявил он.

— Полсотни шагов, — не менее решительно ответил Пардик. — Мы подождем.

— А я тебе помогу, — добавил Конан. Киммериец снял с коня очнувшегося колдуна.

— Куда его?

Маг выбрал полянку рядом, подготовился.

— Кляп вынь, — сказал он Конану.

— А зачем? Это опасно.

— Он не сможет колдовать со связанными руками.

— Ну и пусть заодно помолчит.

— Мне интересно, что он скажет.

— А мне нет.

— Послушай, киммериец, мне виднее, что я делаю!

— Да? Ну ладно.

Конан выдернул кляп у мага и вынул меч.

— Ну что, — спросил Косталис, — как твое имя?

— Азаликс.

— Азаликс. Стигиец?

Маг кивнул.

— А мое имя — Косталис. Слышал?

— Конечно. И не только слышал. Мы ведь с тобой дважды вступали в поединок.

— Да, но на этот раз ты не сможешь мне противодействовать.

— Конечно, легко быть сильным и смелым, когда твой соперник связан и беспомощен.

— А я не стремлюсь к честному поединку. Меня вполне устроит просто победа.

— Так отчего же ты думаешь, что я стану тебе помогать?

— Можешь не помогать. Я и сам справлюсь. Только ты как предпочитаешь, чтобы я убил тебя как человека и освободил при этом душу, или отдал твою душу демонам? Или заключил в какой-нибудь артефакт?

— Убивать меня ты тоже уже убил. Этот варвар, твой прислужник, и убил, я ничего не путаю?

Конана обидно резануло слово «прислужник», но он сдержался и не стал объяснять магу, кто он есть. Маг скоро умрет, и незачем реагировать на предсмертную болтовню глупца...

Косталис тем временем расспрашивал Азаликса о свойствах магического кувшина. Азаликс отвечал без охоты, но не имел другого выхода. Он понимал, что у Косталиса хватит знаний распорядиться его магическими предметами, однако если Косталис сделает ошибку, то Азаликсу от этого лучше не станет.

Наконец Косталис решил, что выяснил достаточно, и занялся принесенным кувшином. После произнесения нужных заклинаний над кувшином возникло призрачное облачко. Конана передернуло от отвращения.

— Ты можешь его уничтожить? — спросил он Косталиса.

— Не спеши, — ответил тот.

— Уничтожить? — изумился Азаликс. — Косталис, ладно, этот варвар может по недомыслию говорить всякие глупости, но ты — должен понимать, какое могущество сейчас у тебя в руках?

— Мне достаточно обладать таким могуществом, которое позволит уничтожить и тебя, и этого призрака, — ответил Косталис.

— Ты же это не всерьез, Косталис? Призрак питается душами людей, но в руках мага он может излечить любую болезнь, обратить смерть, дать тебе силу и власть! Жизнь нечасто делает магам такие подарки, ты знаешь это!

— Знаю.

— Косталис, не слушай его, — угрожающе сказал Конан.

— Помолчи, киммериец, — рассердился Косталис. — Я сам сделаю выбор, и ты мне тут не советчик!

— Если ты сделаешь выбор в пользу призрака, я сам тебя убью!

— Если я сделаю этот выбор, убить меня будет невозможно! Не пугай меня, киммериец!

— Ты можешь... — начал было Азаликс, но Косталис прервал его, сказав Конану, чтобы он заткнул рот огирскому магу. Это Конан выполнил без пререканий и настолько добросовестно, что маг стал задыхаться.

— Расплатиться собственной душой за могущество, — бормотал Косталис, не обращая внимание на Азаликса, — зачем мне это надо? Пользоваться призраком, не для себя, по заказам? И будут в Коринфии жители сидеть по ночам за прочными запорами... Пока призрак жив, будет жить и Азаликс. А он уверен, что от этого могущества отказаться невозможно...

Косталис поднял жезл и начал произносить заклинание. Замычал сквозь кляп и задергался под веревками Азаликс, а призрак пробила светящаяся искра, в которую его быстро затянуло...

— Руби его, Конан, — крикнул Косталис, показывая на Азаликса.

Киммериец шагнул назад, освобождая место для удара, размахнулся и тут же растерянно опустил меч. С исчезновением призрака Азаликс осел бесформенной кучкой смердящей плоти, лишенной поддерживающей силы. Конан плонул и отступил назад.

— Ну вот и все, — потерянно сказал Косталис, — можете радоваться.

Он поднял медный кувшин, перевернул его, потряс, медленно собрал свои амулеты и побрел прочь. Конан шел к старшинам Монстардиноса и думал о том, что очень скоро те начнут переговоры о мире с графом Тормезом. И что потом? Остаться в Монстардиносе? Стать сотником на границе и годами следить за слухами из соседних стран? И так всю жизнь? У него есть деньги, у него есть конь, у него есть меч, и весь мир лежит перед ним!..

— Косталис уничтожил и призрака, и мага, — сказал он Пардику. — Я уезжаю. Прощай.

Он сел на коня и послал его вперед. Сейчас в тылах огирской армии должны передвигаться мелкие отряды фуражиров и маркитантов, посыльных и мародеров. Это будет желанная добыча...

Ник Орли

Путь силы

Конан ехал по дороге между виноградниками Офира, направляясь на юг, где хребет Карпашских гор поворачивал на запад, отделяя Офир от страны Коф. Горы, судя по описаниям, здесь были более высокие и труднопроходимые, чем хребет, отделявший Коринфию от Заморы. Кофский город Хоршемиши имел связь с Офирем через горные перевалы, проходимые лишь три месяца в году. Туда и держал путь Конан.

Пока офицерский граф Тормез, собравший дружины своих баронов на войну с Коринфиеей, пытался закрепить результаты вторжения мирным договором о новых границах, Конан проехал по районам Коринфии, опустошенным войной. Любая война ведется с целью захвата добычи. Граф стремится получить новые земли, рядовой воин обирает убитых на поле битвы и мирное население по дороге. Так было, есть и будет. Солдат идет на войну, готовый расстаться с жизнью по приказу командира, и есть две вещи, на которые он всегда готов — спать, пока его не погонят дальше, и прибирать к рукам все мало-мальски полезное, — пока над ним не появится командир, который может приказать «поклади, где взял!»

Впрочем, командир не может постоянно наблюдать за каждым своим солдатом, и приказ этот действует лишь до тех пор, пока командир не отвернется. Так что солдат всегда стремится возместить то, чего ему не хватает по милости командиров. Но много ли унесет с собой солдат? Так что же, пропадать добру из-за малой вместимости солдатского мешка? Нет, конечно! И затем позади войска двигаются торговцы, готовые обменять добычу солдата на звонкую монету. Тут уже достается положенная доля всем командирам сверху донизу. Несовместно с офицерской честью заниматься грабежом, но принять деньги за награбленное никто не отказывается. И не один торговец, радостно предвкушавший полученный доход, был неприятно разочарован встречей с грозным киммерийцем.

Оставив полосу войны за спиной, Конан въехал в Офир и повернул на восток, чтобы покинуть владения графа Тормеза. Он сменил свой кожаный доспех на более легкий, купил дорожный плащ из хорошей шерстяной ткани, чтобы немного изменить внешность и не оставлять явного следа для сыщиков графа, которые в скором времени должны были начать искать обидчика офицерских маркиантов, и проехал по восточным графствам Офира. Слухи называли эти места самыми богатыми золотом и драгоценными камнями, но Конан убедился, что слухи говорят о далеком прошлом. То есть, лучшие камни были добыты еще в незапамятные времена, а золотые рудники в горах существовали, но золото с них перевозилось раз в месяц и с охраной из двух сотен стражников. Такая добыча была не по силам одному человеку. Конан прогулял половину денег, полученных в Коринфии, воздав должное винам Офира и его женщинам, умело вдохновлявшим богатого гостя на щедрое угощение и дорогие подарки.

Горы, ограждающие Офир с юга и востока, защищают Офир от нашествий, но делают его тупиком торговых путей. Конан не захотел пускаться в дальнее путешествие вдоль гор и решил отправиться по горным перевалам в кофский город Хоршемиши.

Солнце к полудню палило вовсю, и Конан начал искать место, где можно было бы отдохнуть и переждать самое жаркое время. Виноградники между тем были безлюдны — ухоженные лозы уже провисали под тяжестью ягод, но зелен был виноград, время сбора еще не наступило. Убитая солнцем желтовато-серая земля вокруг была покрыта высохшей травой. Наконец показалась довольно густая роща, и Конан свернул к ней. В тени деревьев

было легче, и Конан спешился. Не похоже было, что здесь удастся найти воду — в окрестностях нет укромных ложбинок или пятен яркой травы, которые могут показывать близость воды. Но пока что жажда была терпимой. В вещах Конана был припасен небольшой бурдючик с водой, а до вечера он надеялся добраться до какого-нибудь селения. Конан прилег под деревом и задремал.

Проснулся он оттого, что по лесу кто-то шел. Давняя привычка реагировать на любую опасность мгновенно перебила сон. Конан насторожился и стал прислушиваться. Человек шел по лесу. Не подкрадывался, не бежал, не ломился сквозь заросли. Охотник ходит более осторожно, стараясь не спугнуть выслеживаемую дичь. Сборщики хвороста ломают сухостой и шумят гораздо сильнее. Кому же это еще вздумалось разгуливать по лесу? Человек, по всей видимости, заметил коня Конана и направился к нему. Это оказался молодой парень, невысокий и худой, с легкой котомкой через плечо и длинной хворостиной в руке. Загорелое лицо с карими глазами и несколько виноватой улыбкой явно принадлежало уроженцу Офира.

— Добрый день, господин, — сказал он, — я не потревожу ваш отдых?

— Ну, положим, что потревожил, — сказал Конан. Он был настроен довольно благодушно, паренек явно не представлял никакой угрозы. — Мой отдых, бывало, тревожили такие гости, что по сравнению с ними ты не более, чем жучок, ползущий по моему сапогу.

— Воистину так, господин, — согласился офицер, присаживаясь на траву, — ваша милость производит впечатление доблестного воина, совершившего выдающиеся подвиги на поле брани. А я всего лишь ничтожный шут, выгнанный хозяином. Не найдется ли у вас куска хлеба для меня? Сегодняшнюю ночь мне пришлось провести под открытым небом. Может быть, это кому-то и было смешно, но не мне.

— Как тебя зовут, шут? — спросил Конан, доставая из своего дорожного мешка хлеб и отламывая половину для офицера.

— Лорейс, господин, — ответил тот и вцепился зубами в хлеб.

— Меня зовут Конан. Конан из Киммерии. И я тебе не господин.

— А может быть вам нужен слуга? Присмотреть за конем, сбегать с известиями, почистить вещи, узнать свежие слухи в округе?

— До сих пор я и сам со всем этимправлялся.

— Но знатным господам пристало иметь слуг. Пусть не ради пользы, но ради того, чтобы не утруждаться самому выполнением того, что обычно поручают слугам. Я готов работать за кусок хлеба!

— Нет. Мне не нужен слуга. Но ты можешь идти со мной, если нам будет по пути. Я еду на юг, к перевалам, ведущим на Хоршемиш.

— Тогда мы сегодня к вечеру можем быть на землях барона Левереза. А дальше начнутся горы, туда власть баронов не распространяется, хотя земли считаются подвластными королю Офира. Но горцев трудно заставить подчиняться, да и взять с них особо нечего, так что их земли не розданы в ленные владения.

— Ты хорошо знаешь эти места?

— Неплохо. Я здесь вырос, но после раздела наследства мне не досталось земли, я не смог поступить в ученики к какому-либо мастеру и остался в положении бродяги. Я немного умею играть на свирели и пытался играть в тавернах, но народ здесь небогатый, и музыканту трудно заработать на жизнь.

Лорейс достал из котомки деревянную дудку.

— Сыграть?

— Ну, сыграй.

Лорейс начал с протяжной, задумчивой мелодии, потом, усмотрев благожелательное отношение, исполнил более веселый мотив. Конан не был знатоком и любителем музыки, но он почувствовал, что это не армейская мелодия, зовущая в бой, и не разгульная музыка пьяных гулянок в тавернах.

— И что же, твоему прежнему хозяину не пришлась по вкусу такая музыка? — спросил он.

Лорейс вздохнул.

— Я и прослужил-то два дня, — сказал он, — и как раз на второй день хозяин сказал, что лучшая музыка, которую он слышал в жизни — это звон золотых монет! А я в ответ ляпнул, что да, мол, музыка жизни, исполняемая на золотых монетах и завершающаяся славным ударом кинжала в спину...

— И что? — спросил Конан.

— Да он что-то обиделся. Видимо, посчитал мои слова каким-то намеком и велел выдать мне две дюжины... Да нет, не золотых, конечно! Плетей...

— Ну и как, выдали?

— Да стражники оказались неплохими ребятами. Недодали половину, но посоветовали сматываться, пока не поздно. Ну я и побежал...

Конан и Лорейс провели в лесу жаркое время дня, а потом двинулись в путь. Конан не спешил, а Лорейс держался за стремя коня, чтобы не отставать. Засветло еще приехали в деревню, возле которой возвышался замок барона. На горизонте сплошной стеной стояли громады гор. Самые высокие вершины были покрыты шапками льда. Небольшая речка, текущая вдоль деревни, была перекрыта хорошим мостом, возле которого располагался замок. На мосту стояла стража. Конан нашел таверну и заказал комнату. Лорейс упросился ночевать на полу у порога, лишь бы под крышей.

— Какое-то невеселое местечко, — заметил Конан.

— Барон сильно крестьян прижимает, — сказал Лорейс. — Я слышал, пару лет назад здесь были волнения, но барон выбил предводителей и запугал всех остальных. Так что народ здесь сейчас притихший.

— И чем же ты собирался развлекать таких господ? Что-то ты меня по дороге не очень развеселил.

— Да их развлекает сама должность шута. Достаточно пары фраз, передразнивающей их тупые разговоры. «Мир этому дому и его бесплатным обитателям!» Что-нибудь в этом роде.

— Понятно.

Конан отправился ужинать в общем зале, Лорейс, получив миску горячей каши, пристроился в уголке, где сидели слуги и наемные проводники торговцев. Конан тем временем расспрашивал торговцев о пути в Хоршемиш. Дорога через перевалы была непроходима для повозок, и торговцы везли товары из Хоршемиши в Офир малыми партиями. Несколько вьючных лошадей при переходе через горы могут взять не так много груза. А большой караван не сможет размещаться на маленьких площадках для отдыха, которые только и есть на тропе. Конан вспомнил, что надо будет проверить подковы коня перед переходом через горы. Тем временем группе стражников, пьющих рядом, наскучило пить и захотелось развлечений. Трогать торговцев им было запрещено, поскольку даже самые глупые бароны давно поняли, что помехи торговле приводят только к убыткам для их казны. А вот киммериец был явно не торговцем, не посланником — иначе бы он

представился и сейчас пировал бы в замке у барона.

— А вот интересно, чем этот варвар собирается торговать в Кофе? — спросил один из стражников.

— Наверное, божками собственного изготовления, — предположил другой, — они там, я слышал, вырезают божков из дерева и молятся им, пока те помогают. Перестают помогать — они их сжигают и вырезают новых. Очень удобное верование.

— Мой бог — Кром! — не выдержал Конан. — Бог воинов! И мой меч насытился кровью не одного десятка придурков, у которых язык был длиннее, чем ум.

— А, все понятно! Это мастер-фехтовальщик! Будет конников Кофа обучать биться длинными мечами! Говорят, лет двести назад такие мечи были в большой моде. В самом деле, убойная вещь, если противник прибит к полу гвоздями. Тогда его можно разрубить вместе с любыми доспехами одним ударом. Вот только пока он им размахнется, его саблей раз пять достанут, ха-ха-ха!

— Такой знаток оружия, — сказал Конан, сдерживая ярость, — как нельзя более кстати в дружины, не имеющей противников опаснее крестьян.

— Да что ты знаешь про нас, варвар, — рассердился стражник, — и про то, с какими противниками нам приходилось сражаться!

— Да уж вижу, что два десятка таких воинов как вы, справляются с любым противником. Если он будет пьяный и связанный...

— Ах, ты!..

Стражник выхватил кинжал и полоснул Конана режущим ударом. Такой удар редко бывает смертельным, но отразить его гораздо труднее чем колющий выпад. Конан сумел все-таки перехватить руку стражника, пересиливая его, повернул кинжал к нему острием и вдавил в грудь. И тут же получил такой удар по голове, что потерял сознание.

* * *

Утро следующего дня Конан встретил связанным в тюремной камере барона Левереза. Заключение, впрочем, не оказалось долгим. Конана вывели из камеры и привели во двор замка, где барон в качестве окружного судьи рассмотрел дело и вынес приговор:

— За убийство стражника полагается взыскать с убийцы пятьдесят золотых! Изъятые у тебя при аресте деньги конфискуются в счет оплаты, так что можешь быть свободен.

— Но я же только защищался! — начал было возражать Конан.

— Да. Поэтому ты и получаешь штраф, а не смертную казнь. Тебе даже вернут твоё оружие.

— Но пятьдесят золотых — это все, что у меня было!

— Да. Поэтому будь доволен, что у тебя хватило денег расплатиться за убийство. У убитого осталась вдова и трое малых детей. Ты их что ли будешь кормить, варвар?! Смотри, я могу и ужесточить приговор!

Конан понял, что спорить дальше бесполезно, подавил в себе ярость, получил у мрачных стражников свой меч и под их недобрными взглядами вышел из ворот замка. У ворот его встретил взъявшийся Лорейс:

— Все уладилось, господин Конан?

— А ты уже прикидывал прибрать к рукам мои вещи и моего коня?

— Зачем вы так? — смутился Лорейс. — Я вправду за вас волновался. А вещи целы. И конь тоже стоит на конюшне. Я в таверне вчера не успел вас предупредить. Тот стражник, который позади вас был, он вас и приложил. Только убивать вас они вовсе и не собирались. Тот стражник сзади лохань к вам пристраивал, чтобы вы отшатнулись от кинжала и в лохань упали.

— Ну и что же мы будем делать? Денег у меня не осталось. Ищи теперь другого хозяина.

— Ну, денег вы-то заработаете легко. Торговцы всегда набирают людей для перехода через горы. Меня, правда, не возьмут, нет. А только если позволите, я бы с вами еще пару переходов в горы прошел. Там, говорят, есть обитель святого отшельника, к которому порой ходят люди за мудрым советом и за тайными знаниями.

— И что, он всем подряд тайные знания раздает?

— Нет, конечно. Кто, говорят, вовсе от него не возвращается, кто получает то, что искал, а кто и с ума сходит.

— А ты на что рассчитываешь?

— Что будет, то пусть и будет. Мне здесь уже невмоготу.

Они пришли к таверне, и Конан сразу стал седлать коня, а Лорейс сбегал в комнату за вещами. Конан нашел в мешке несколько серебряных монет, достал запасной кинжал — меч ему вернули, но он не стал требовать, чтобы вернули и кинжал, пропавший при аресте. Конан послал Лорейса купить пару хлебов и изюма, чтобы иметь запас еды на пару дней, наполнил водой бурдючок. Собравшись, они отправились из таверны, заплатили на мосту последние монеты стражникам и вскоре двинулись по направлению к горам. Когда замок скрылся из вида, Конан свернул в ближайший лесок.

— Я не уйду отсюда без денег! — твердо объявил он. — Каждый человек имеет право защищать свою жизнь, и погибший стражник сам был виноват!

— Но что ты можешь сделать?

— Я все могу сделать! Я этот поганый замок этого поганого барона по камешкам разнесу! Сейчас я еще немного проеду по окрестностям, чтобы определиться с путями отхода, потом вернусь к тебе, и мы двинемся назад. Ночью я пойду в замок, а ты покараулишь коня, пока я не вернусь.

— Но замок ночью запирается!

— И что с того?!

— Да нет, ничего...

Конан поехал по дороге, осматривая окрестности и размыслия о том, что подняться на стену замка по неровной каменной кладке ему не составит большого труда. Мирная жизнь должна была достаточно усыпить бдительность стражников, поэтому вряд ли часовой будет прислушиваться к каждому шороху, скорее уж он будет вести неравную схватку с дремотой. Оглушить его и пробраться вниз...

А дальше? Это же не дворец в городе, это крепость. Покои барона, весьма вероятно, окажутся запертыми изнутри, да не на замок, который можно было бы открыть, а на засов. Но в своих покоях барон не хранит казну — неудобно выдавать деньги при каждой надобности. Казнохранилище должно быть ниже, под охраной кордегардии. Точно, кордегардия охраняет и вход в подземелье, и лестницы, ведущие наверх, и казнохранилище. И там постоянно дежурит не менее четырех человек. Без шума с ними не справиться, а на звуки боя подоспеют другие стражники... Плохо. Плохо, что при таком раскладе не получается добраться до денег!

Конан вспомнил, как один из старых воров в Шадизаре говорил ему, что у него внешность, плохо подходящая для вора. Если уж тебя заметили и приходится убегать, важно, чтобы тебя не опознали. А могучую фигуру киммерийца трудно спутать с какой-нибудь другой. Что хорошо для воина, то не годится для вора. В общем-то, так и получилось, что из Шадизара Конану пришлось уходить с боем...

Тут на дороге появился всадник, едущий навстречу. Конан насторожился. Всадник был одет так же, как стражники барона — пластинчатый нагрудник, широкие штаны, шлем, обмотанный чалмой, высокие сапоги. И один! Поравнявшись с встречным, Конан рванулся к нему, резко схватил его за плечо и рванул на себя. Стражник оказался не слабым противником, и они некоторое время молча боролись, между тем как их кони пританцовывали друг вокруг друга.

Наконец Конан пересилил противника, и тот не удержался на лошади, однако он смог не упасть, а твердо приземлиться на ноги. Конан прыгнул на него с коня и едва не напоролся на удар кинжалом. Он успел отвести удар локтем и тут же стремительным ударом кулака сбил стражника с ног. Стражник упал в дорожную пыль, лежал и не шевелился.

— Раз уж ваш барон так не любит, когда его людей убивают, то я доставлю ему это удовольствие — никого убивать и не буду, — бормотал Конан, быстро освобождая стражника от лишнего имущества. В сумке у поверженного противника он нашел несколько стопок мелких серебряных монет, завернутых в пергаментные расписки. Расписки Конан бросил на землю, а серебро забрал. Оглядевшись по сторонам, Конан оттащил стражника в сторону от дороги, связал ему руки его же поясом, представил, как стражник очнется и пойдет в свалившихся без пояса штанах, и остался удовлетворен этой картиной. Потом Конан вернулся на дорогу и вскочил на коня. Лошадь стражника была, по-видимому, приучена к боевым стычкам и не ушла далеко. Конан взял ее за уздечку и поскакал назад. Лорейс ждал его на месте.

— Едем, — сказал Конан, — барон прислал нам лошадь и немного денег, так что я не стану сейчас устраивать налет на его замок.

— Доброта барона просто безгранична, — с восторгом произнес Лорейс.

Они поскакали вперед. Конан внимательно следил за дорогой, но вокруг не было ни души. Для погони было еще рано, а торговцы, выехавшие утром, были уже далеко. К вечеру Конан и Лорейс догнали торговый караван, остановившийся у входа в ущелье. Здесь обитало несколько горских семей, живущих в небольших каменных башнях, сложенных из камней без раствора. Горцы встретили гостей радушно, и после ужина Конан обратился к торговцу:

— А что, дорога в Хоршемиш здесь безопасна? Охрана вам не нужна?

— Дорога тяжела и опасна, но разбойников здесь не бывает. Горцы если и ходят в набеги за добычей, то на равнину. А нарушать торговый путь им самим невыгодно.

— Дорога, должно быть, нахоженная? Или без проводника можно сбиться с пути?

— Если ты хороший следопыт, то не собьешься, а новичок может и заблудиться. Бывало такое.

— А слыхали вы о святом отшельнике, живущем где-то в этих горах? — спросил Лорейс.

— А как же? Даже тропу видели, которая ведет к его обители. Но нам это ни к чему. К нему ходят горцы по нескольку раз в год, приносят ему подарки, просят его о покровительстве и набираются мудрости. Он, говорят, обладает немалым могуществом, но крайне редко им пользуется.

— И вам не было интересно к нему попасть? — спросил Лорейс.

— А зачем, — пожал плечами торговец, — о чем мне его просить? Да и мало ли сказок рассказывают про разные чудеса, существующие в этих горах? Говорят, в стороне от торгового пути есть страна джиннов, пещера, где пол вымощен золотом, а потолок покрыт драгоценными камнями.

— Точно, есть, — вмешался в разговор горец. — Мой дед сам слышал человека, вернувшегося из тех мест.

— И кто-нибудь приносил оттуда золото и драгоценности? — спросил Конан.

— Нет, кто возвращался, тот рад был, что живой вернулся, а золота не приносил, нет.

— Значит, сказки все это, — уверенно определил Конан.

— Нет, — твердо сказал горец, — мы знаем, что сказка, а что на самом деле есть. Пещера джиннов существует!

* * *

Два дня они поднимались в горы. Нет в мире ничего величественнее гор. Безбрежная ширь океана, бескрайняя степь, безграничный купол неба — но все они не дают человеческому глазу ориентиров, чтобы в полной мере оценить величину пространства перед ним. Оно все целиком охватывается восприятием человека, и он ощущает, как будто вместил его в свое сознание. В горах становится видно, насколько мал и ничтожен человек. Горы дают сознанию масштаб реального соотношения размеров человека и пространства.

Дорога вилась по перевалам, то проходя мимо крутых каменных стен, то пролегая по краю, пропастей, то вписываясь по краю щебеночных осыпей, то петляя между россыпей гигантских камней. Люди шли пешком, ведя навьюченных лошадей в поводу. Когда в очередной горной долине остановились на ночлег, проводник сказал Конану:

— Вот здесь развилка путей. Мы идем прямо, в Хоршемиш. Правая дорога ведет к святому отшельнику, а левая в страну джиннов. Только праздные люди не ходят к святому отшельнику. Идут только те, кто знает свои вопросы.

— Да я к нему и не собирался, — ответил Конан, — это Лорейс думал туда пойти, так я бы его проводил. Так что, Лорейс, пойдешь к отшельнику или двинемся в Хоршемиш?

— Пойду, господин Конан. Не считите меня неблагодарным, но это мой путь.

— Мальчик правильно говорит, — согласился горец. — Я слышал, как он играл. Отшельник может его принять. И проводить мальчика — это тоже правильно. Он один не дойдет. Тропа перед долиной отшельника имеет небольшую площадку, там надо оставить лошадей. А дальше тропа ведет по краю скалы и делает кругой поворот. Ты знаешь горы, ты пройдешь.

— Мы придем к нему с пустыми руками, он не обидится?

— Он святой. Если ему что-то понадобится, он скажет.

— Сколько времени займет дорога?

— За день обернешься.

На следующее утро Конан и Лорейс отправились в путь, оставив караван. Конан легко определял, куда надо идти. Для уроженца гор движение естественно, и ноги сами несут его по самому удобному пути, а следы людей когда-то шедших этой тропой подтверждают правильность выбранного пути. Через пару часов они оказались на ровной площадке, где можно было оставить лошадей. Тропа здесь заканчивалась, а вдоль огромной скалы,

возвышающейся впереди, шел узкий уступ. Конан достал из мешка веревку и протянул Лорейсу:

— Обвязи ее вокруг пояса.

— Ты удержишь меня, если я упаду? — спросил Лорейс, обвязываясь веревкой.

— Если смогу, удержу. А не смогу — брошу. В любом случае, тебе легче будет идти, чувствуя дополнительную опору.

Лорейс задумался и стал отвязывать веревку.

— Ты чего? — спросил Конан.

— Я подумал, что это неправильно. Если я не готов встретиться со святым, то упаду. А если готов, то я должен пройти сам. Я сейчас.

Он сел и закрыл глаза. Потом снял свою котомку, достал флейту и засунул ее за пояс, отцепил кинжал, который дал ему Конан, и положил на траву.

— Я готов, — сказал он.

Конан хмыкнул, подобрал кинжал и сунул себе за пояс рядом со своим кинжалом, отцепил ножны с мечом.

— Ну ладно. Пошли.

Они двинулись по уступу и стали осторожно продвигаться вдоль скалы. Конан шел не спеша, но вполне уверенно, Лорейс прижимался к скале и медленно передвигался мелкими шагами. За поворотом разверзлась новая пропасть. Каменный уступ переходил здесь в некоторое подобие мостика, перекинутого над бездной. Каких-то три шага, но без малейшей опоры справа или слева. И плита шириной в одну ступню, с небольшим подъемом. И скругленный край пропасти, за который не удержаться, если упадешь. Конан быстро шагнул вперед и через мгновение оказался на ровной площадке. Он обернулся и спросил Лорейса:

— Кинуть тебе веревку?

— Нет, — сказал Лорейс.

Он был бледен, но спокоен. Он выдохнул из себя воздух и быстро преодолел каменный мост.

— Молодец! — сказал Конан.

Они повернулись и спокойно смогли разглядеть место, к которому вел такой путь. Чашеобразная долина была покрыта густой зеленой травой, в центре долины блестело на солнце крошечное озеро, за ним росли несколько десятков деревьев.

Скала, преграждавшая путь в долину, вросла в соседнюю гору, в ее почти отвесном склоне виднелось темное пятно пещеры. А прямо за долиной раскрывалась панorama гор, неописуемо величественная. Череда гор вздымалась все выше и увенчивалась белыми шапками ледников. А здесь, на согретой солнцем площадке было тепло и уютно. Из-за деревьев за озерком вышел невысокий человек в длинном белом одеянии и направился к ним. Был он совершенно сед, но не выглядел старцем. Длинные белые волосы схватывала тонкая цветная веревочка, ясные серые глаза смотрели спокойно и пронзительно. Он подошел ближе, сказал Конану:

— Побудь здесь.

И протянул руку Лорейсу:

— Пойдем.

Они с Лорейсом ушли к одной стороне озерка, а с другой его стороны к Конану подошла девочка лет десяти, в длинном желтом платье и с черными волосами, заплетенными в длинные косы. Конан сел на траву, чтобы не возвышаться над ней.

- Как тебя зовут? — спросила она.
- Конан. Конан из Киммерии. Она села рядом.
- Ты, похоже, очень сильный, Конан?
- Я воин. Слабый живет недолго, его убивают.
- Она коснулась пальцем кинжала и поморщилась.
- Наверное, это очень страшно, убивать людей?
- Нет. Это легко. Часто хватает одного удара клинка.
- Она снова поморщилась:
- Наверное, ты очень глупый, Конан? Ты думаешь о движении железки в твоей руке и не чувствуешь крика души, отлетающей от умирающего тела?
- Мой бог — Кром. Бог воинов. Он примет мою душу после смерти, и это мой путь.
- Ты разве не знаешь, что душу каждого человека встретит тот бог, образ которого он носил в своем сердце? А, ты же сильный, Конан... Если ты хочешь что-то понять, стань слабым.
- Она поднялась на ноги и, не оборачиваясь, ушла к деревьям.
- Конан сидел, пытаясь собрать разбредающиеся мысли. Слова девочки были очевидно бессмысленными, но какими-то не детскими. Все, что она сказала, было глупо, неправильно, но объяснять ей что-то и доказывать было так же немыслимо, как убеждать осенний дождь или спорить с закатом солнца.
- И мрачный Конан сидел неподвижно и безмолвно, пока к нему не подошел отшельник.
- Что ты хотел спросить у меня? — спросил он.
- Я? Ничего...
- Все приходят ко мне задавать вопросы. Впрочем, далеко не все бывают довольны ответами.
- У меня нет вопросов. Я просто провожал Лорейса.
- Тебе это только кажется. Тогда я задам тебе вопрос — что ты сделал в этой жизни?
- Я воин. Я убивал врагов, чтобы они не убили меня.
- Убивать может и зверь. Тигр и медведь, волк и шакал, крокодил и ястреб. Они убивают добычу, а если не могут убивать, едят падаль. Чем ты отличаешься от них?
- Я стараюсь убивать тех, кто несет в мир зло — демонов и чудовищ, безумных магов и злобных мерзавцев.
- У тебя есть цель?
- Я хотел бы стать королем. Могущественным и справедливым.
- А если по справедливости все твои подданные будут заслуживать смерти?
- Я не знаю.
- Если ты хочешь стать королем, стань им. Не гоняйся за золотом, королевство не купишь. Стань вождем, который может повести за собой людей, и завоюй себе королевство.
- Так просто, — усмехнулся Конан.
- Если человек ставит себе цель и намерен ее достичь, то никакие преграды его не остановят. Если эта цель действительно нужна ему. Ты видишь эту долину?
- Да. Вообще-то, в таких горах обычно не растут деревья.
- Я захотел, чтобы они были. И они есть. Я захотел, чтобы гора не загораживала мне вид из долины. И ее нет.
- Магия, что ли?
- Ты боишься магии?

— Нет, я ее ненавижу.

— Люди ненавидят именно то, чего боятся. Но на самом деле маги ближе к тебе, чем ко мне. Только ты добиваешься намеченного своей силой, а они стремятся поставить себе на службу силу других. Ко мне довольно часто приходят маги. Одни ищут знаний, другие пути к могуществу. Я отвечаю всем. Я говорю им правду, но не всегда это то, чего они хотят.

— А ты понимаешь, что они потом используют власть и знания для того, чтобы выпускать в мир разных чудовищ? Что ты вооружаешь безумцев?

— И где они все? Чем более безумен человек в своем стремлении к власти, тем вернее он сломает себе шею на этом пути. Так что меня не интересуют их стремления. Меня интересует, чтобы человек мог задать мне правильный вопрос и понять мой ответ. Нет ничего хуже людей, не задающих вопросы. Разве что люди, не способные понять ответы. Впрочем, тебе пора. Счастливого пути.

— А Лорейс останется с тобой?

— Да.

— Тогда прощай.

Отшельник повернулся и удалился, а Конан посидел несколько минут, собираясь с мыслями, медленно поднялся и пошел назад. Пройти по узкой перекладине над пропастью никогда не было для него проблемой, но сейчас он покачнулся и едва не упал, сумел восстановить равновесие, разозлился и быстро прошел по уступу. Спрыгнув на ровное место, он от души обругал отшельника, сел на коня, привязал веревку к уздечке лошади Лорейса и двинулся в обратный путь.

Вернувшись на развилику дорог, Конан начал обдумывать дальнейший путь. «Не гоняйся за золотом», — сказал отшельник. Хорошо ему говорить. Да что он понимает в жизни?! Стоит ли попробовать найти пещеру джиннов? Странно ее как-то называют: то пещера, то страна... Но люди оттуда возвращались, это обнадеживает. Конан вспомнил пещеру демонов и передернулся от отвращения.

Лорейс остался у отшельника, так что запас еды позволяет потратить лишние три дня на поиски пещеры. Даже если слухи десятикратно преувеличивают сокровища пещеры, то возможность уйти с добычей все же есть. Маловато корма для лошадей, это плохо. Человек может терпеть без еды, а лошадей надо кормить. Впрочем, лошади без поклажи, и их можно менять, чтобы давать им отдохнуть...

Конан решился. Он прошел по левому ущелью, поднялся по менее крутому склону в гору и нашел тропу. Следы людей по дороге попадались, но старые, очень старые. Выбоины, сделанные каким-то тяжелым инструментом, камни, собранные в кучи или выложенные в ряд. Когда-то здесь проходили люди и отмечали ориентиры на своем пути.

День начинал клониться к вечеру, когда Конан выехал из очередного ущелья и увидел впереди большую гору, возвышавшуюся над окрестностями. Тропа вела к ее подножию, где лежал огромный камень с гладко срезанной лицевой частью. Перед камнем имелась довольно ровная площадка, а два ряда камней образовывали четкую дорожку. Конан подошел к камню, держа повод лошади, и огляделся. Солнце зацепилось за верхушку горы напротив и покрылось радужной пленкой звенящих сфер.

Разреженный воздух оказывал свое действие. Но чувство надвигающейся опасности уже начало настораживать Конана.

Сбоку раздалось неприятное шипение, и Конан оглянулся. Склон горы вспучивался гнойным нарывом, из него хлынул поток густой черной массы, свернулся улиткой,

чудовищно разбух, но не скатился со склона, а прилип к нему, потом зашевелился и выпустил наружу чудовище. Вытянулась из непонятного комка шевелящейся черноты длинная шея, раскрылась в безмолвном реве зубастая пасть, вспыхнули яростным огнем глаза, расправились огромные крылья, и в воздух рванулся со склона горы гигантский дракон.

Шлепнулся на тропу мерзко пахнущий ошметок, и шарахнулись в сторону испуганные лошади. Конан стоял уже с обнаженным мечом наготове. Он понимал, что никаких шансов победить у него нет. Пасть, способная вместить лошадь, прикрывает единственное уязвимое место дракона — глаза. Но смерть киммериец встретит ударом меча!

Сзади раздался продолжительный шорох. Конан быстро оглянулся и увидел, что огромный камень скользнул в сторону, открывая вход в пещеру. Вход был ярко освещен изнутри, и там стоял человек, делая призывные жесты. Конану очень не понравился свет из пещеры. Сразу было понятно, что это не отблеск живого огня, а какой-то магический свет.

Будь у него возможность выбора, Конан хорошо подумал бы, прежде чем идти к источнику такого свечения. Но гигантский дракон уже развернулся и полетел в атаку. Конан рванул коня за уздечку и побежал к входу в пещеру. Как только он и лошади оказались внутри, камень вернулся на прежнее место, оставив дракона за пределами досягаемости.

Конан огляделся. Матово светящийся купол уходил вверх, накрывая помещение. Именно помещение! Никакая это не пещера. Под ногами густая трава, впереди широкий коридор из блоков серо-желтого цвета высотой вдвое выше человеческого роста.

Человек, встретивший их у входа, был высок, худ и бос. Очень длинные светлые волосы, стянутые белой повязкой, обрамляли бледное лицо со светло-голубыми глазами. Одет он был в короткую тунику, подпоясанную широким поясом с множеством карманчиков, из которых торчали предметы непонятного назначения. Словом, маг... Конан направил на него острие своего меча и с раздражением увидел зажегшуюся на острие клинка маленькую злую искру. Меч как будто в смоле увяз. Отвел меч в сторону — искра погасла. Конан опустил оружие.

— Ну и куда это меня занесло? — примирительно спросил он.

— Малый мир, — ответил колдун. — Мир магии.

— Это я уже почувствовал, — вздохнул Конан.

— И что же здесь, подгорное царство? Страна джиннов?

— Приятно видеть у молодежи тягу к знаниям, — усмехнулся маг. — Да, некоторые чудаки называли наш мир страной джиннов. Может быть, ты разочарован? Может быть, ты хотел встретить не дракона, а именно джинна?

— Нет, спасибо. Мне вполне хватило дракона, и без джиннов я с удовольствием обойдусь.

— Хорошо. Так вот, о бесстрашный собиратель слухов, Малый мир — это не подгорное царство. И не потому, что у нас нет царей, без которых мы прекрасно обходимся, а потому что мир наш находится вовсе не внутри горы, как ты, видимо, подумал. Внутри горы находится выход из нашего мира в ваш мир. Но, кстати, чего же ты искал в наших местах? Тайных знаний или древних артефактов, дающих их обладателю неисчислимое могущество? Или ты надеялся поднести пол, чтобы избавить нас от всякого мусора навдробе золота и драгоценных камней? Это я чтобы знать, в какие закрома тебя вести, — быстро пояснил он и снова перешел на прежний напыщенный стиль.

— Или ты собирался обрести преданное служение стаи вышеупомянутых джиннов, чтобы они исполняли твои дурацкие желания?

— Почему дурацкие? — слегка смущаясь Конан.

— А какие же еще? — изобразил безмерное удивление маг. — Но это же был не ответ на мои вопросы, — теперь он изобразил искреннюю печаль, тут же перешедшую в воодушевление. — Впрочем, подожди, я сам отгадаю! Итак, от джиннов ты благоразумно отказался, понятно. На искателя тайных знаний и могущественных артефактов ты тоже не похож. Не обезображен твое лицо и неустанными поисками истины... чего нет, того нет. Что же остается? Остается полагать, что ты прибыл сюда с целью нарыть дурного золота, которое только и ждет какого-нибудь безмозглого храбреца. Так?

— А если так, то что? — спросил Конан, крепче стискивая рукоять меча.

— Уй-юй-юй, — расстроился маг, — да ты, оказывается, еще и полагал, что сокровища охраняет орава поганых хлюпиков, которых достаточно будет разогнать и порубить твоим грозным клинком? Что же это делается в Большом мире?! Одно поколение идиотов сменяется другим, и нет этому ни конца, ни края! Ты меч убери, о, вспыльчивый, целее будешь. Заклятие наложено на тебя, и твоя агрессия будет возвращена тебе же. Лучше вникни в происходящее — ты отсюда без моей помощи не выйдешь. Сдохнешь у выхода, но камня не сдвинешь!

Конан вздохнул и убрал меч в ножны. — Вот это правильно, о благоразумный. Ты искал возможности заработать своим клинком золото? Ты получишь эту возможность. В скором времени. Пойдем.

Маг двинулся по коридору, нисколько не беспокоясь за свою спину. Не то, чтобы Конан ему не поверил, но эта явная демонстрация безопасности произвела на него впечатление. Он двинулся следом, ведя лошадей.

— Так тот дракон — твое создание? — задумчиво спросил он.

— Все не так, как ты думаешь, о подозрительный! За то время, которое ты проведешь здесь, ты еще можешь столкнуться с черной дрянью. Это вырожденная материя, отход магической деятельности. Она накапливается и разрушает организованную материю. Я сформировал ее выброс в виде черного дракона, но мог бы придать ему и другую форму. Любая его форма неустойчива и скоро разрушится, но бесформенный выброс может проесть земную твердь. Мы этого избегаем.

— Кто это мы?

— Маги, о любопытствующий не по делу.

Они прошли тем временем несколько поворотов и развилок, а потом оказались на обширном открытом пространстве. Все та же зеленая равнина, а впереди — небольшой городок. Городок как городок, только маленький. Кирпичная стена в два человеческих роста, с небольшими башенками и крепкими воротами. Когда они подошли ближе, Конан увидел, что в некоторых местах стена изъедена до трех слоев кирпича вглубь. Кое-где были видны следы починки стены.

— Лошадей можешь оставить здесь, — сказал маг, — О них позаботятся. А в городе им места нет.

Конан снял свой дорожный мешок и начал расседлывать лошадей.

— Так что же я должен буду сделать? — спросил он.

— Наша сила — наша слабость, о предусмотрительный! Я нашупал еще один выход в Большой мир и хочу проверить его. Но наши люди довольно беспомощны в Большом мире. А ты сможешь сходить на разведку и вернуться.

И что я за это получу?

Ты хотел добить золото, о, корыстолюбивый? Ты получишь золота, сколько унесешь.

Когда тебе обещают награду без меры, то часто норовят расплатиться клинком в спину или ядом в стакане.

Слова тебя, по всей видимости, не удовлетворят. Но ничего другого я тебе предложить не могу.

Ладно, обсудим еще. Ну, идем?

Маг ошарашенно посмотрел на Конана, который с двумя седлами и прочей сбруей в руках собирался идти в город.

— Оно тебе зачем? — спросил он, показывая на седла

— Чтобы не украли, — удивленный странным вопросом, ответил Конан.

— Кто и зачем станет это красть, о, заботливый?

— Да кто ни попадя! — рассердился Конан. Он-то прекрасно знал, что мало-мальски ценная вещь не пролежит без присмотра и пяти минут в любом городе мира. А тем более прекрасная упряжь!

— У нас здесь нет лошадей. На кого, ты думаешь, наденет эту упряжь вор, уж не знаю, откуда он у нас возьмется?

— Если целиком не найдут применения, так на ремешки порежут! — не смутился Конан.

— Это у вас в Большом мире так всегда бывает? — наконец догадался маг. — Глупость какая! Но у нас это немыслимо. Каждый человек у нас при деле и способен заработать на жизнь лицензионной магией.

— Какой магией?

— Понимаешь, каждый человек имеет специальное заклинание, которым он делает что-нибудь полезное.

— У вас что, все маги?

— Нет. Они имеют одно, редко два основных заклинания. Маги — это те, которые могут многое, и более того, создают новые заклинания. Магов мало.

— Ну ладно. Так что, мне сбрую прямо здесь оставить что ли?

— Конечно!

— И она никуда не денется?

— Говорю же тебе, она никому не нужна!

— Так, а кто же тогда позаботится о лошадях, если у вас никто с ними дела не имел?

— А что им, собственно, нужно?

— Напоить их нужно. И накормить.

— Чем?

— Овсом.

Маг озадаченно размышлял.

— Хлеб они едят?

— Едят.

— Ну и все! Я пошлю кого-нибудь накормить и напоить их.

Они вошли в город. Стражи не было, но само устройство ворот позволяло закрыть их быстро и надежно — они закрывались одной створкой, легко поворачивающейся на мощных петлях, укрепленных в стене. Крепкий железный засов при закрывании ворот сам падал в гнездо. Вот городская стена была совершенно неправильной — с внутренней стороны ее не было помоста, на котором могли стоять защитники города. Хотя в башенки вели лестницы, сложенные из кирпича.

Улицы города были достаточно широки для пешеходов и вымощены мелкопористыми каменными плитками. Двухэтажные дома из красного кирпича отличались от всех построек, которые Конану приходилось видеть в своих странствиях. Плоские легкие крыши и отсутствие водостоков — это понятно, вряд ли здесь бывает дождь или снег. Отсутствие сараев и конюшень тоже понятно. Непонятны слишком широкие окна, задернутые тонкими занавесками, но не прикрытые решетками. Легкомысленные двери, которые можно высадить с одного хорошего удара. Жители города явно не опасались вторжения незваных гостей. И слабый запах, пропитавший неподвижный воздух... Портовые города пахнут морем и тухлой рыбой, ремесленные — то кузнецким дымом, то кожевенными мастерскими, то свежей краской, то нечистотами. Здесь в воздухе висел непонятный запах еды и тления, пряностей и испражнений.

Маг привел Конана в один из домов возле городской стены.

— Как тебя звать, о скромный? — спросил маг. — Я чересчур увлекся нашей беседой и забыл спросить тебя об этом.

— Конан. Конан из Киммерии. А как мне называть тебя?

— Ты можешь называть меня Ост.

Они вошли в дом. В большой комнате, застеленной ковром, сидели на полу несколько человек, которые при появлении мага встали и молча поклонились.

Обликом они были разные, но, как всякие жители чужой страны, несли на себе труднообъяснимые общие черты. Конан вскользь заметил незначительные отличия в покрове одежды, у некоторых людей туники были ветхие и заношенные, у других поновее и понаряднее, с фигурными застежками — значит, они вряд ли постоянные слуги мага.

— Проходите наверх, — сказал им маг. Он щелкнул пальцами, и сама собой открылась дверь на второй этаж, к которой вела лестница, идущая вдоль стены.

— Ты можешь ждать меня здесь или прогуляться по городу, — сказал маг. — Если хочешь есть, найдешь еду возле стола.

Маг поднялся наверх следом за ожидавшими его людьми, и сверху стали слышны шаги, шуршание и приглушенные голоса. Конан подошел к столу у окна и обнаружил там полку с хлебом и сыром, масло в глиняной чашке и колбасу в тряпице. В небольших кувшинах он нашел воду, пиво и какой-то фруктовый сок.

Конан поел, выпил кувшин пива и прошелся по комнате. Комната эта занимала почти весь первый этаж дома, а в пристроенных чуланах Конан обнаружил нужник и умывальник (таз и ведро воды), потом кладовку, в которой было сложено оружие — пара мечей, сабля, щит и топор, остатки доспехов, покрытые пылью и ржавчиной. Один из мечей полегче, прислоненный возле двери, был чист и заточен — его явно недавно держали в руках. За следующей дверью Конан обнаружил гардероб. Здесь висели пара чистых туник и пояс, а отдельно были сложены высокие сапоги, плащ и шаровары, рубаха и размотанная чалма. Конан хмыкнул и двинулся дальше.

В следующем углу под потолком был подвешен небольшой шар, ярко освещавший устроенные на стене мелкие полки. На полках лежали драгоценные камни. Самые крупные достигали размеров куриного яйца, но не только величина и несомненная ценность камней привлекла внимание Конана. Камни были прекрасно огранены и приковывали взгляд своей красотой. Здесь были алмазы и рубины, изумруды и сапфиры, разных оттенков и разной формы — круглые и вытянутые, сплюснутые и грушевидные. Чуть позже Конан обнаружил, что самые крупные камни были не так красивы, как более мелкие, но отделанные с

высочайшим искусством.

Внизу стояли несколько маленьких ящиков, наполненные более мелкими камнями: от мелкой горошины — до бобового зерна. Конан был достаточно опытен, чтобы предположить, что ценности, оставленные без присмотра, охраняются мощными чарами. Поразмыслив, он осторожно переложил пару мелких камушков из ящиков на пол и отошел в сторону. Если маг заметит перемещение камней, то Конан ничего себе и не взял. А если маг ничего не заметит, то камни можно будет прихватить потом.

Тем временем гости мага начали по одному расходиться, а за окном ощутимо потемнело. Маг спустился вниз с одним из прислужников и распорядился, чтобы тот приготовил постель для Конана.

— Посмотрел мою коллекцию? — спросил маг, показывая на полку с драгоценными камнями.

— Посмотрел. За эти камни можно купить несколько королевств. Хотя глупости я говорю! Редкий король наберет достаточно денег, чтобы купить хотя бы один из этих камней. А тот, кто вздумает продавать такой камень, будет просто убит. Или с целью отнять камень, или с целью отнять деньги, полученные им за камень. А убийца тоже не сможет сохранить добычу. Так что плата за камень будет расточена, а сам камень сможет задержаться лишь в руках достаточно могущественного человека.

— Вот как? — несколько удивился маг. — Но ведь это всего лишь прозрачные камни. Они довольно красиво выполнены, но убивать за них людей? Они радуют взор, но не более того!

— Иметь то, чего не может иметь твой соперник — за это властители готовы платить сотнями жизней своих подданных, — пожал плечами Конан.

— Воистину, Большой мир труднопостижим для нас, — сказал маг.

— Разве у вас не в ходу деньги? Когда за вещь готовы платить больше, чем стоит человеческая жизнь, жизнь стоит дешевле, чем вещь.

— За какие деньги ты вернешь умершего, о расчетливый?

— Ни за какие, но за деньги я найду десяток других на его место.

— У нас не так. Каждый может произвести с помощью магии что-то полезное, а за деньги купить нужные ему вещи. Но истинно ценные вещи за деньги не купишь. Здоровье. Жизнь. Покой. Знания. Заклинания высокого уровня. За них надо отработать магам. Так что больших денег ни у кого в нашем мире не бывает, да и применения им нет. Деньги — это просто разменная монета. И ничего более. Я, конечно, представляю себе в общих чертах устройство Большого мира, но разница оказывается все же больше, чем я ожидал. И не на том уровне жизненного устройства. Но это я обдумаю потом. Сейчас можешь лечь спать, а завтра я тебя позову, когда подготовлюсь.

Конан проснулся, когда за окном вновь стало светло, обследовал кувшины и убедился, что пива за ночь не прибавилось. Он вышел из дома и отправился бродить по городу. Народу на улицах было мало, Конан прошел весь город, отметил про себя отсутствие непременного объекта любого города — торговой площади, развернулся и пошел обратно по другой улице. Он беззастенчиво разглядывал девушек, доводя их то до смущения, то до веселья, но он не мог успешно развивать знакомство, потому что не знал местных обычаем, да и Ост мог объявиться в любой момент.

Торговля в городе велась через выносные прилавки, которые горожане открывали перед своими домами. Раскрасневшийся, запыхавшийся хлебопек едва успевал выставлять на

прилавки свежесотворенный хлеб, горожане тут же разбирали его, оставляя на прилавке мелкие медные монетки.

Понаоблюдав за этой торговлей, Конан убедился, что в доме не топится печь и не замешивается тесто. Хлебопек творил хлеб с помощью заклинания, и каждый раз у него получался десяток совершенно одинаковых хлебов, причем один хлеб с края каждый раз был немного смят. Когда хлебопеку указали на это, он извинился, на несколько минут прервал торговлю в поисках вспомогательного заклинания и продолжил создавать хлебы уже без дефекта.

При этом хлебопек явно выбивался из сил, видимо, магия забирала немало его жизненной энергии.

Конан поморщился и пошел дальше. Возле прилавка с пивом он остановился и протянул пивовару серебряную монетку. Тот с сомнением посмотрел на нее и сказал:

— Не знаю, что это за деньги, но так и быть, возьму как сувенир.

Конан взял кувшин и хлебнул. Пиво было весьма заурядным, но пить было можно. Пивовар творил, в отличие от булочника, не по десятку, а всего лишь по два кувшина за раз.

— Хорошо вам тут живется, как я погляжу, — сказал Конан, — И еда, и выпивка, и все — за счет магии.

— На взгляд чужестранца — да. Только ты сначала заработай у магов базовое заклинание, отдай магистрату половину дневного заработка, расплатись за дом, а тогда и увидишь, как хорошо нам живется.

— Половину заработка? — удивился Конан. — И вы терпите? С чего бы это так много?

— Так половина города на магов только и работает. Так работает, что Черная Пустошь растет и плещется. И чем больше усилий маги прилагают, чтобы удержать ее, тем сильнее она плещет...

По улице мимо них бегом промчались двое горожан в черных туниках с желтой каймой. Они вломились в один из домов неподалеку, едва не сорвав дверь с петель, и вскоре вышли наружу в сопровождении человека с заломленными за спину руками. Они его не держали, он не был связан, но шел так, будто на него были надеты колодки невольника. Соседи, выглядывающие в окна, безмолвствовали.

— И что это было? — спросил Конан.

— Малое сыскное войско, — ответил пивовар. — Пресекают нелицензированную магию.

— Что это такое — нелицензированная магия?

— Дело в том, что магические заклинания со временем слабеют, и их приходится подкреплять мелкими вспомогательными заклинаниями. Но за каждым вспомогательным заклинанием надо идти к магам. А некоторые умельцы умудряются сами переделывать заклинания. Так маги этого не любят. Настолько не любят, что виновников карают без всякой пощады. Они говорят, что самодеятельная магия очень сильно разогревает Черную Пустошь.

— Понятно, — сказал Конан. Он допил свое пиво, поставил кувшин на прилавок и пошел дальше. Ему уже осточертел этот город, живущий магией, ему надоел этот тусклый свет и навязчивый запах. Ему хотелось как можно быстрее покинуть мир колдовства.

Он вернулся в дом Оста, доел хозяйские припасы, обнаружил, что выложенные им камешки лежат все там же, на полу, и засунул их себе в пояс.

Некоторое время спустя сверху спустился маг и спросился:

— Готов ли ты отправиться обратно, в Большой мир?

— Готов, готов, — ответил Конан. — Меня уже тошнит от вашей магии.

— А ты хотел обрести богатую добычу, не преодолевая трудностей, о привередливый?

— Я предпочел бы получить добычу в честном бою.

— А я предпочел бы, чтобы люди понимали обращенные к ним слова, а не вели себя как неразумные дети, повинующиеся лишь своим желаниям, — возразил маг. — Но ни меня, ни тебя никто не спрашивает, что мы предпочитаем. Так что давай будем исходить из сущего, а не из желаемого.

— Ладно, — согласился Конан. — Пошли. Они вышли из города, и Конан убедился, что упряжь лежит там, где он ее и оставил. Лошади стояли у ворот, здесь же были два ведра с остатками воды и недоеденные куски хлеба на траве. Конан начал готовить лошадей, а маг стоял рядом, поглядывая то по сторонам, то вверх. Взгляд у него был отнюдь не безмятежный, но Конана он не торопил.

Они вновь прошли через лабиринт каменных блоков и оказались на границе Малого мира. Край его отчетливо был виден в виде стены дикого камня и снижающегося светящегося свода.

— Я рассчитываю, — сказал маг, — что тебе понадобится дня два на то, чтобы объехать окрестности того выхода в Большой мир, который я сейчас открою. Но на всякий случай я буду ждать тебя неделю. Расскажешь мне обо всем, что увидишь и узнаешь. Возьми вот этот камешек, когда ты вернешься, я по приближению камешка узнаю, что надо открыть вход.

Он протянул киммерийцу небольшой плоский прозрачный кристалл неправильной формы.

— А если я не смогу сохранить его? — спросил Конан.

— Лучше постараитесь сохранить, — ответил маг, — потому что, если ты не вернешься обратно через неделю, сработает наложенное на тебя заклятье, и ты умрешь. Ничего личного, о могучий! Я просто не хочу, чтобы ты решил пренебречь исполнением моего поручения.

— Заклятье, значит? — Конан с трудом сдерживал злость. — Вот какого мага ни возьми, так обязательно мерзавцем окажется! Среди богатых людей есть жадные, а есть щедрые, среди сильных людей есть злые, а есть добрые, среди могущественных людей есть умные, а есть глупые. Но среди магов порядочных людей не бывает!

— Хорошо, о красноречивый! Я тебя понял. Я попытаюсь развеять твое предубеждение против магов, когда ты вернешься и сполна получишь обещанное тебе золото. Я даже не стану упоминать про украденные тобой два драгоценных камня. Готов ли ты к выходу в Большой мир?

— Готов!

— Тогда как только я открою выход, быстро двигай вперед. Монстров на этот раз не будет, но выброс черной дряни накроет часть окрестностей.

Маг занялся своими амулетами, и вскоре в стене открылся проход. Конан с лошадьми двинулся вперед, но проходя мимо мага, сделал попытку схватить его, чтобы вынести вместе с собой на поверхность и там попытаться заставить колдуна снять заклятие. Но маг был внимателен. Он ловко увернулся, хлопнул ладонью по крупу лошади, подгоняя ее, и крикнул вслед:

— Удачи тебе, о злонамеренный!

Конан выехал на поверхность земли и увидел, что никаких гор вокруг нет. Перед ним широко раскинулась зеленая степь. Огромный камень на холме уже закрывал вход, и вокруг начинала растекаться черная густая жижа. Конан вскочил в седло и поскакал прочь.

...Широка и привольна Великая степь. Бескрайние просторы, протянувшиеся на много дней пути, дарят путнику ощущение свободы от глупых условностей, которые царят в городах. Все золото мира не заменит здесь верного коня и острый клинок. И никто не властен над тобой в этом мире. Пока ты не повстречаешь других людей.

Они появились на краю горизонта, заметили Конана и сразу поскакали к нему. Он насчитал восемь всадников. Бежать было бессмысленно. Конан подготовил свое оружие, поставил заводную лошадь под левую руку, чтобы не мешала биться и прикрывала от нападения слева, и стал ждать. Можно было ведь и договориться...

Они не стали разговаривать. Первый всадник, пытавшийся полоснуть Конана саблей, недооценил длину его меча и получил удар на опережение. Он попробовал резко наклониться в сторону и уйти от удара, но меч Конана достал его и разрубил плечо. Второй всадник плашмя хлестнул по крупу заводную лошадь киммерийца, и она рванулась в сторону.

Тут Конану пришлось плохо. Степные наездники пролетали мимо него на своих конях, нанося стремительные удары и уклоняясь от ударов его меча.

Атака следовала за атакой, вот конник справа скрывается за туловищем своего коня, и меч проходит мимо цели, а всадник слева достает Конана саблей, и удар надрубает железную пластину, нашитую на рукав его куртки. Вот противник принимает удар меча на край круглого щита, а его сабля звенит о шлем Конана.

Сабельные удары не так сильны, как удары меча Конана, но они быстрее и чаще достигают цели. Шлем смягчает удар, но все равно такой удар потрясает. Отражать тяжелым мечом молниеносные сабельные выпады трудно, приходится бить на опережение, но быстрый противник успевает среагировать на удар.

Будь на Конане сплошные доспехи и какое-нибудь прикрытие, он бы порубил своих противников. Но не стали бы они тогда атаковать. Раз за разом сабли ищут участки, не закрытые железом. Трижды они нашли неприкрытую левую ногу, и кровь уже течет из глубоких ран. Двоих сумел достать Конан, одного тоже в ногу, а другого по шлему. Хороши удары северянина!.. Ни один противник, получивший удар меча, не остался в седле. Но были это, похоже, самые молодые и неопытные. Конан пускает своего коня вскачь, чтобы на скаку встречать противников по одному, но они быстрее. Снова меч Конана встречается со щитом противника, и тут же две сабли поражают его в руку и в голову...

* * *

Очнулся Конан в сумрачном полумраке и долго пытался понять, что с ним случилось. Запахи дыма от живого огня, мокрой шерсти и кислого молока, мягкая постель, невнятные голоса. Кружится голова, болит нога и плечо. Вспомнил — он бился со степными конниками и был ранен...

Ласковая рука касается лба, помогает поднять голову и дает пить. Пить — это хорошо. Хотя вкус у жидкости странный. Гул в ушах. Конан закрывает глаза и проваливается в забытье.

Когда Конан вновь проснулся, ему объяснили, что пастухи Тайчи-нойона нашли его раненым и обессиленным от потери крови. Тайчи-нойон сам пришел говорить с киммерийцем. Это был высокий плотный мужчина с загорелым морщинистым лицом и внимательными карими глазами. Молодость его давно миновала, но никто не назвал бы его

стариком. Он был крепок, только волосы были сединой.

— Сколько дней прошло с тех пор, как я был? — спросил Конан.

— Третий день пошел, — ответил Тайчи-нойон, — а нашли тебя под вечер того дня, когда ты сражался, по следам было видно.

— Третий день? Значит, у меня осталось четыре дня для возвращения.

— Куда спешишь?

— На меня наложено заклятье. Я должен вернуться, чтобы маг снял чары, иначе я умру.

— Плюнь на мага. Когда ты был без сознания, тебя посмотрел наш шаман. Хороший шаман, сильный. Беседующий с духами. Он очистил твои раны от огня, твой разум от притяжения смерти и твою душу от заклятий и от всех следов магии. Зачем ты связался с колдуном? Настоящий воин всегда рассчитывает только на свои силы.

— Я всегда рассчитываю только на свои силы. Заклятие было наложено не по моему желанию.

— Бывает.

— Подожди! Так я свободен от заклятья? Ну, так пусть Ост подавится обещанной наградой. Все равно бы он меня обманул. Не желаю я быть под заклятьем, даже за все золото мира!

— Вот это слова настоящего мужчины. А то приходилось мне видеть таких людей, которые ради золота готовы были пресмыкаться перед сильными и топтать слабых.

— Таких всегда хватает. Послушай, а кто были те конники, которые меня порубили? Они бились как воины, но воины обычно не нападают на проезжих путников, как разбойники и всякий сброд.

— В степи царит сильный, — медленно стал объяснять Тайчи. — И случайный путник здесь — добыча для любого, кто сможет его осилить. Здесь много племен, пастухи гонят стада по всей степи. Каждый знает своих соседей и стережется от врага конными разъездами. Если идет купец, то он идет с караваном, с охраной, он полезен, и его не трогают. Если едет посланник, то он едет со свитой и со знаками своего поручения. Чтобы ехать по степи, надо договориться о сопровождении. Ты был никто. Добыча. Не обижайся. Вот мои стада сейчас охраняют полтора десятка воинов — зятья и племянники, двоюродные братья и дальние родичи. Я богат и уважаем. Но нападет на нас сотня врагов — и все мои люди погибнут под саблями захватчиков. И они возьмут мои стада, юрты, женщин.

— А зачем вы подобрали меня? Мне нечем заплатить сейчас, все мои деньги пропали.

— Было время, когда я водил в поход до пяти тысяч воинов. Мы сжигали города и деревни, брали богатую добычу. На обратном пути чужое войско преградило нам дорогу. В той битве сгорела моя сила и моя слава. Мой род стал слаб. Мой старший сын погиб в этой битве. Он был как ты, богатырь. Война отсеивает слабых. Я отвратился от войны и пытаюсь сохранить остатки моего рода. Я спас твою жизнь, потому что не хочу давать лишнюю работу смерти.

После прихода в сознание Конан быстро пошел на поправку. Сначала его поили кислым молоком, чтобы ослабший организм снова смог принимать пищу, потом дали выпить чашу свежей крови, а со следующего дня Конан ел уже жареное мясо с кашей из пшеницы. Тайчи-нойон со своей дочкой Сауль следили за ходом выздоровления, и часто Конан рассказывал им о своих приключениях, а Тайчи объяснял киммерийцу уклад степной жизни.

— Летом стада расходятся по степи, чтобы у скота было вдоволь травы. Лучшие места там, где есть водопои — там пасут скот сильные рода. К осени молодняк набирает вес, и мы

продают часть стада. С одной стороны, чтобы купить все необходимое — сабли и соль, ткани и зерно, посуду и деревянные изделия. С другой стороны, мест для зимовки не так много, надо уменьшить стадо, чтобы легче было его прокормить зимой. На зимовку рода собираются плотно, торгуют, заключают союзы, готовят войска для похода на соседей. Когда в степь приходит чужое войско, никто на его пути не может ему сопротивляться. Войско угоняет стада, забирает наши юрты и имущество. Ни один род не выстоит против тысячи воинов. Единственное спасение — если нас успеют предупредить о нашествии, и мы успеем уйти с пути чужого войска. Но быстро стада не перегонишь.

— А собрать свое войско? — спросил Конан.

— Собираем. Но степь широка. Долго собирать степное войско, долго. Вражье войско успевает уйти с добычей. Потому и ходим мы сами в чужие земли, чтобы сломить силу вражеского войска. Страх и смерть — извечные спутники войны. А чего боишься ты, Конан?

— Да ничего я не боюсь!

— Ты не боишься боли и смерти, ты не боишься никакого противника, это так. Но ты боишься быть слабым. Не так?

— Я всегда полагался только на свою силу.

— Но на всякую силу найдется другая, более сильная. Ты встретился в степи с десятком воинов — и никакая сила тебе не помогла. Ты рассказывал, что через твои руки прошли большие богатства, но они ушли, и ты остался ни с чем...

— Я добуду деньги снова!

— Зачем? Деньги утекают прочь, и ничего у тебя не остается. Работай не на деньги, а на славу. Стань вождем, чтобы за тобой пошли десятки и сотни воинов. Поведи их от победы к победе, и золото потечет к тебе. Оно тут же уйдет от тебя как плата твоим людям, но еще больше укрепит твою славу. Тогда ты станешь неизмеримо сильнее, чем просто силой своих мышц. Ты можешь завоевывать государства и подчинять их себе. Но не слава вора проведет тебя по этому пути, а слава воина!

Сауль — младшая дочь Тайчи-нойона была молодой незамужней женщиной. Никто не назвал бы ее красавицей, но она была по-своему мила и очаровательна. Проведя с Конаном несколько дней в разговорах, перевязывая его раны и принося ему еду, она все крепче привязывалась к могучему киммерийцу. Прикосновения, переходящие в ласки, девичьи мечты воспламеняли ее, и через пару дней она легла с Конаном. Когда утром она упорхнула из его постели, Конан с некоторым смущением встретил взгляд Тайчи-нойона.

— Тайчи-нойон, — начал Конан, — я не хотел бы показаться тебе неблагодарным или нарушать ваши обычаи, но что произошло, то произошло.

— Я сам послал ее к тебе, — сказал Тайчи-нойон.

— Да? Хм. Обычно отцы берегут дочерей для желанных мужей. А я даже не знаю, надолго ли останусь здесь.

— Сауль моя любимая дочка, и я не хотел бы отдавать ее в чужой род. А от тебя у нее родится хороший сын. Сильный. Смелый. Мой внук. А если Сауль потом найдет хорошего жениха, то пусть он будет достаточно умен и не откажется взять ее с ребенком. Сауль будет счастлива с тобой. Ненадолго? Но кто может знать, что ему готовит завтрашний день?

Когда раны Конана достаточно зажили и он начал ходить, Тайчи начал подбирать для него оружие.

— Я привык биться длинным прямым мечом! — твердо объявил Конан.

— У меня такого просто нет, — ответил Тайчи-нойон. — Да и зачем тебе такой меч?

Длинный меч нужен для того, чтобы нанести очень сильный удар. А большинство твоих противников вовсе не таковы, чтобы им требовался настолько сильный удар. Вот посмотри — в чем преимущество такого клинка?

Он показал Конану сильно изогнутую саблю. Конан поразмыслил и сказал: — Для боя в тесноте?

— Точно. Я не предлагаю тебе эту саблю, она тебе не по руке, но ты сам понял — в тесной схватке длинный меч может быть зажат, и ты не сможешь им ни размахнуться, ни ударить. Когда ты бьешься конным, надо как можно быстрее рубить противника. Попробуй вот эту саблю, более подходящей для тебя у меня все равно нет.

Конан понемногу привык к сабле и смог оценить, насколько стремительнее получались удары непривычно легкого для него клинка. Он осваивал искусство бросать аркан и стрелять из тутого короткого лука, учился не просто скакать на лошади, но и резко уклоняться от чужих ударов, оставаясь в седле. Тайчи-нойон видел, что жизнь кочевника не очень привлекает Конана, и тот ждет лишь возможности уйти. И Тайчи-нойон задумывался. Тем временем они кочевали следом за стадами на новые пастбища, изредка встречаясь с чужими стадами и, обменявшиесь новостями, расходились в стороны, чтобы не мешать друг другу.

Однажды, объезжая окрестности стад с двумя воинами, Конан наткнулся на чужих всадников. Их было около десятка, и они сочли троих встречных легкой добычей.

— Нападем на них? — спросил Конан, когда чужие всадники поскакали навстречу, развертываясь в облавное полукольцо, чтобы не дать никому уйти.

— Сначала сделаем вид, что бежим, а за тем холмом встретим их, — ответил один из воинов.

И в развернутую цепью десятку чужих конников врезалась смертоносная тройка бойцов. Конан скакал впереди и разил противников молниеносными ударами сабли, а двое воинов не давали никому напасть на него сбоку или сзади. Чужаки поняли, что ошиблись с добычей, когда пятеро из них легли, порубленные саблями. Остальные побежали. Троих из них успели догнать или сбить стрелами, а двое сумели уйти. Конан вернулся к юрте Тайчи-нойона с захваченными лошадьми и связкой оружия врагов.

— Я не останусь перед тобой в долгу! — радостно сказал он.

— Значит, я не ошибся, — спокойно ответил Тайчи-нойон. — Хотя я и не рассчитывал что-то получить с тебя. Пока ты сражался, приехал один мой знакомый. В двух днях пути от нас сейчас проходит большой торговый караван. Ты можешь успеть присоединиться к нему. Поедешь?

— Да. Спасибо, Тайчи-нойон! Я не забуду тебя. Могу я попрощаться с Сауль?

— Нет. Она сейчас в пути к следующему становищу. Я скажу ей все слова, которые нужны женщине. Собирайся и счастливого пути, Конан!

И вновь степной простор лег под копыта коня, унося отважного киммерийца к новым приключениям.

Ник Орли

Ярость титанов

Солнечным ясным днем, подъезжая к Султанапуре, Конан отметил высоту его каменных стен и несокрушимую прочность башен, выдававшихся по обе стороны широких ворот, чтобы в случае осады держать под обстрелом врагов, которые будут пытаться проломить ворота тараном. Конан не позавидовал этим людям. Небольшой подъем перед воротами не давал бы им возможности разогнаться для удара, и стрелки, прикрытые на башнях каменными зубцами от обстрела снаружи, могли бы беспрепятственно поражать штурмующих. А лезть при штурме на стену — удовольствие невеликое. Пока на стене будут защитники, город не взять. Впрочем, без защитников не устоит ни жалкий частокол, ни могучая твердыня.

Конан въехал в город, заплатил стражникам у ворот мелкую серебряную монету, проехал по узким пыльным улицам мимо ряда домов с дворами, обнесенными глухими глиняными заборами с плотно закрытыми дверями, увидел широко открытые ворота постоянного двора и въехал туда. В центре двора находился колодец, обложенный кругом тесанным камнем, рядом была устроена коновязь и лежала выдолбленная колода с водой для лошадей. Открытая конюшня находилась в одном углу двора, в другом меланхолично перетаптывались с ноги на ногу два одногорбых верблюда. Куча навоза во дворе была еще недостаточно большой, чтобы хозяин озабочился ее вывезти, но достаточно зрелой, чтобы наполнить двор своим запахом. Пара абрикосовых деревьев, с которых плоды были уже собраны, но несколько штук еще оставались на ветках, давали густую тень возле дома. На открытой веранде ели и выпивали несколько гостей.

Постоялый двор был именно тем, что нужно киммерийцу — недорогим заведением, где можно будет остановиться на несколько дней. Селиться в более роскошном заведении, где принимают богатых купцов, где играет музыка и танцуют девушки, Конану было сейчас не по карману. Он подошел к хозяину и, договорившись о плате, прошел следом за ним в маленькую комнатку с узким окошком, затянутым тонкой тканью от мух. Один из слуг тем временем расседлал лошадь киммерийца и устроил ее под навесом от палящего солнца.

Конан сложил свои скромные пожитки в комнате, разулся и переменил белье, сходил к колодцу, умылся и сбрил ножом, заточенным до бритвенной остроты, свою трехдневную щетину, потом отдал слуге белье для стирки. Он заказал миску плова и арбуз, сел с ними на веранде, слушая разговоры посетителей. Торговцы обсуждали обычные дела — дороги и цены, поборы властей и беспорядки на границе.

Конан доел арбуз, сполоснулся, сходил к себе в комнатушку и обулся. Потом он пошел прогуляться по городу. Он прошел мимо роскошных дворцов, окруженных каменными стенами с острыми зубцами, густо натыкаными по краям, мимо многочисленных лавок ремесленников, выставлявших товар прямо на улице, вышел на торговую площадь, где в изобилии продавались съестные припасы, а в углу шел вялый торг рабами.

Несколько полуголых людей под жалким навесом равнодушно ждали покупателей. Покупатели появлялись редко, присматривались, приценивались, но покупать не торопились. Несколько стражников в легких доспехах и белых чалмах на железных шлемах бродили по площади, старательно изображая неусыпную бдительность на опухших от безделья физиономиях.

Конан прошел мимо лавок, торгующих шелком и украшениями из золота и драгоценных камней, остановился возле лавки менялы и разменял у него свою единственную золотую

монету на горсть серебра и меди. Заодно он оценил возможность нанести ночной визит в лавку менялы, но решил, что в этом доме слишком много жильцов. Опасности они не представляли, но не дали бы возможности незаметно уйти.

— А кому здесь можно будет продать драгоценности? — спросил он менялу.

— Какие именно драгоценности, почтенный господин? — заинтересовался тот.

— Золотые украшения, камни, — пожал плечами Конан, — они у меня не с собой.

— Понятно, — согласился меняла, — золото я могу оценить и купить. Но не как изделия, а на вес. Камни возьмут в любой ювелирной лавке, для перепродажи или переделки, но если ценности окажутся в розыске, то господину придется объясняться с судьей. А суд у нас скорый.

— Мне это не грозит, — с нарочитой уверенностью сказал Конан.

— Конечно, конечно, — поспешил закивал головой меняла. — Это я так, по привычке.

Киммериец ни на миг не усомнился, что шустрый меняла с превеликим удовольствием взял бы у него краденые драгоценности... за половину их настоящей цены. Конан прошел по площади, свернув в один из переулков и в кузнечной мастерской купил закаленный железный крюк. Хозяин был слишком рад покупателю, чтобы интересоваться странными потребностями чужестранца. Выходя из лавки, Конан быстро подвесил крюк в рукав своей куртки: идти с ним по улицам в открытую было бы несколько неосторожным.

Когда Конан проходил через площадь обратно, в одном из ее углов вспыхнула суматошная возня, крики, побежали в разные стороны мальчишки, и вдруг чуть в стороне от этой суматохи раздался истощный крик:

— Держи вора!

Дернувшись на крик встрепенувшиеся стражники, засуетились окружающие торговцы, вцепились в бегущего вездесущие доброхоты, и вскоре двое стражников поволокли к судье пойманного преступника. Торговцы вокруг разрывались от несовместимых желаний — еще бдительнее следить за своим товаром и пойти посмотреть на происходящее. Покупатели дружно переместили внимание с покупок на пойманного вора, и вскоре вокруг судьи собралась густая толпа. Конан не стремился посмотреть это зрелище вблизи, но остановился в стороне и подождал.

Через несколько минут судья огласил вердикт, и из толпы раздался вздох сбывающегося ожидания. Стражники сноровисто выволокли упирающегося человека на помост в центре площади, поставили на колени, вывернули одну руку назад, другую положили на колоду, сверкнул на солнце занесенный клинок — и упал с мягким стуком. Толпа содрогнулась в приступе сладостного ужаса, а на помосте уже лекарь отработанными движениями при помощи стражников перетягивал кровавую кулью жгутом. Когда он замотал увечному обрубок руки тряпкой, стражники медленно сошли с помоста.

Пойманный вор сидел на помосте, тихонько покачиваясь из стороны в сторону, убаюкивая укороченную руку. Толпа, насытившаяся зрелищем страха и боли, начала расходиться. Кто-то бурно рассуждал о справедливой жестокости закона, кто-то подавленно молчал, понимая бессмысленность всяких слов для того, кто только что был наказан клинком палача. Больше всего поражала воображение злобная необратимость произошедшего. Какие-то люди уже суетились у помоста, помогая увечному уйти. Конан не стал вникать в дальнейшее, он развернулся и пошел на свой постоянный двор. Зрелище было для него достаточно мерзким, но ему не было жаль незадачливого вора. Этот мир не для неудачников.

Вечер Конан провел за кувшином вина, а когда начало темнеть и слуги стали запирать ворота, пошел в свою комнатку. Там он достал из мешка веревку и крепко привязал ее к крюку, который купил сегодня днем, проверил вороненые кинжалы, чтобы не лязгали в ножнах, после чего лег спать. Проснулся он, как наметил для себя, глухой ночью, бесшумно обулся, захватил кинжалы и веревку с крюком, после чего подошел к двери и прислушался. Было тихо. Вечером он натянул петли кусочком жира, и дверь открылась без звука.

Мягко ступая, Конан прокрался к выходу, быстро пересек двор и снова прислушался. Убедившись, что на улице никого нет, киммериец легко перемахнул глинобитный забор и приземлился мягко, как кошка. Улица была пуста, и в свете ущербной луны, светившей ясным спокойным светом, он уверенно двинулся к намеченному дворцу.

Камни, накаленные днем жарким солнцем, уже успели остыть, и прохладный ветерок освежал спящий город. Однажды впереди грустно протопал патруль из трех полусонных стражников, но утомленные бесцельным хождением по темным улицам спящего города, они не заметили притаившегося киммерийца. Он подождал, пока стражники скроются за ближайшим поворотом, и двинулся дальше.

Подобравшись к намеченному дворцу, киммериец снова убедился, что никто не бродит в конце ночи по окрестностям, закинул на стену крюк на веревке и быстро поднялся наверх. Здесь ему пришлось проявить кошачью ловкость, чтобы подняться на стену, не напоровшись на острые железные жала, но он справился с этой нелегкой задачей. Пару наконечников он загнул неимоверным напряжением мускулов, взобрался на стену, снял крюк и мягко спрыгнул вниз.

Убедившись, что его вторжение на территорию дворца прошло незамеченным, Конан крадучись перебежал по саду, лавируя между кустов и деревьев, к зданию дворца. Продолжая прислушиваться, он смотал веревку с крюком и засунул ее за пояс. Ломиться в двери или закрытые решетками окна первого этажа он не стал, а ощупал каменную стену опытными пальцами и стал подниматься по стене. Он поднялся на третий этаж и протиснулся в открытое окно. Конан чудом умудрился не обрушить при этом полочку с посудой, как будто специально поставленную возле окна.

Комната, в которую он попал, была слишком велика, чтобы в ней хранить что-то ценное. Пол, устланный ковром, ковры на стенах с развшенным на нем оружием, небольшой столик с письменными принадлежностями, полки со свитками, кущетки. И никаких признаков денег и драгоценностей. Впрочем, оружие на ковре вряд ли было дешевкой из армейских арсеналов... Конан выбрал кинжал с рукояткой, украшенной камнями, ценность которых он оценить не мог в полумраке, но решил, что это достаточно сносная вещь. Заткнув кинжал за пояс, киммериец открыл дверь и вышел в коридор. Осторожно ступая по краю, чтобы не скрипнула доска под ногой, Конан подошел к следующей двери и попробовал открыть ее.

Дверь оказалась заперта, и Конан приободрился. Это явно не была дверь спальни, а раз она закрыта, то за ней должно храниться что-нибудь ценное. Он решительно сунул между створок свой самый прочный кинжал, навалился на дверь всей своей силой и она, жалобно хрустнув, открылась. Конан немедленно скользнул внутрь и пошел по комнате в поисках добычи.

Он не ошибся. Пара внушительных сундуков стояли возле одной стены, возле другой он нашел стол с ларцом, закрытым навесным замком. Ларец был слишком велик, чтобы унести его с собой. Конан вцепился в замок и решительно свернул его на сторону.

Дорогое дерево сопротивлялось недолго. Киммериец выворотил петли вместе с

гвоздями и открыл ларец. Здесь действительно были драгоценности. Но Конан не смог спокойно завладеть добычей — в коридоре раздались шаркающие шаги, и появился тусклый свет приближающегося светильника.

Конан ухватил какую-то мелочь, чтобы не звенеть рассыпающимся золотом, сунул себе за пазуху и бесшумно скользнул к двери. Обитатель дворца мог и не заметить следов вторжения. Но тот все-таки не остановился на полпути. Остановившись возле порушенной двери, он потоптался на месте, видимо, рассматривая дверь, потом произнес старческим голосом:

— Кто здесь? Эй, кто на страже?! Сюда!

Конан резко распахнул дверь, надеясь сразу прибить непомерно бдительного старца, но тот стоял достаточно далеко, и дверь его не задела. Кулак Конана стремительно мелькнул в воздухе, чтобы с одного удара оглушить противника, но тот успел пасть на колени и с визгом откатился в сторону. А по коридору уже резво приближались двое слуг с факелами в руках.

Увидев их, Конан решил не продолжать битву, а бежать, пока не поздно. Он развернулся, метнулся за угол и побежал по лестнице вниз. Сверху неслись истошные крики, и слышался топот слуг. Догнать Конана они, конечно, не могли, но подняли такой шум, что на первом этаже уже вываливалась из дверей спальни целая толпа полуоголых челядинцев.

Искать более свободный выход было неуместно, и Конан врезался в эту толпу, стремясь прорваться к выходу. Он не собирался их убивать и был не лезвием, а рукояткой кинжала. Он сразу повалил несколько человек, могучими ударами кулаков отбросил других, отпинался от поверженных противников, пытающихся хватать его за ноги, и прорвался на волю.

Резко рванувшись вперед, он оставил позади обитателей дворца и уже увидел дверь, ведущую на свободу, но тут перед ним воздвигся привратник. Был он раза в полтора шире Конана и дверь загораживал вполне добросовестно. Варвар налетел на него, могучая лапа привратника схватила его за запястье, рванула руку с кинжалом в сторону и ударом об стену выбила кинжал из руки.

Конан рассердился не на шутку. Круговым движением кисти он освободил свою руку из захвата, так что туза его противника развернулась, и тут же стремительно ударила его костяшками пальцев в горло, почувствовал, как с хрустом сминается гортань привратника и начинает бессильно оседать тело гиганта. Благо, что дворец все-таки не готовился к осаде, и дверь не была закрыта на засовы...

Конан одним ударом сорвал щеколду, распахнул дверь и бросился к стене.

Он побежал к стене в том же месте, где уже перелезал ее, закинул крюк и в несколько рывков поднялся наверх. Рядом с ним в стену ударила тяжелая стрела, выбив брызги каменной крошки. Еще одна стрела прошла точно над стеной, но киммериец уже спрыгнул вниз. Мгновенное сомнение — стоило ли задержаться и снять крюк? — унеслось вместе со свистом стрелы, ушедшей в пустоту. Стрела пришла бы точно в него, задержись он на это ничтожное мгновение. Но размышлять и сомневаться было некогда. Конан бросился в ближайший переулок.

Патруль, добросовестно пыхтя от непомерного напряжения сил, вывалился из-за угла ему навстречу, и убегать от них было поздно. Пока доблестные стражники пытались извлечь из ножен свои сабли, Конан опередил их ударами кулаков. Первый стражник рухнул как подкошенный, второй отлетел к ближайшей стене и попытался восстановить душевное равновесие, третий повис на киммерийце, осуществляя вековые традиции своей профессии — тащить и не пущать. Резким поворотом корпуса киммериец придал повисшему на нем

стражу неудержимое движение в сторону и впечатал его в стену рядом с напарником. Под градом ударов их стремление к славе доблестных защитников порядка быстро уступило место желанию получить как можно меньшеувечий на этом пути.

Убедившись, что стражники больше не проявляют неуместного героизма, Конан решил слишком не увлекаться своей победой и побежал дальше. Чтобы не давать стражникам направления для дальнейших поисков нарушителя спокойствия, он свернулся не в ту сторону, сделал крюк и вернулся к постоянному двору с другой стороны. Переведя дыхание, он снова перелез через стену и все так же бесшумно вернулся в свою комнатку.

* * *

Утро следующего дня началось совершенно спокойно. Никто на постоянном дворе не подозревал, что их постоянец нарушал покой спящего города.

Но когда Конан вышел за ворота постоянного двора, перед ним возник патруль. Не просто обычный патруль из трех стражников, а усиленный. Десятник с позолоченной бляхой на железном нагруднике и с тремя мордоворотами за спиной, и один человечек в потертой одежде горожанина, с цепким взглядом соглядатая. Сзади тут же подошли еще шесть стражников с короткими копьями наизготовку.

— Твое имя Конан из Киммерии? — спросил десятник тоном вполне почтительным, но не оставляющим сомнений в том, что ответ ему известен заранее.

— Да, — ответил Конан, заранее прикидывая, что через шестерых с копьями в случае чего будет не пробиться. Они сделают только один выпад, и кто-нибудь из них обязательно его достанет. А если рванутся вперед, то его задержат ровно на тот же самый миг копейного удара...

— Великий визирь Аль-Тифани просит тебя прибыть к нему в его дворец. Мы посланы, чтобы с почетом проводить тебя во дворец.

Мне нужно несколько минут, чтобы привести себя в порядок, — начал было Конан, лихорадочно размышляя о том, откуда вообще великому визирю стало известно его имя, не говоря уже о настойчивом желании видеть киммерийца перед собой.

— Великий визирь не может ждать, — взорвал десятник, положив руку на эфес своей сабли. Он явно не собирался давать Конану возможности уйти от столь пышного эскорта.

— Я не могу оскорблять взор великого визиря неподобающим внешним видом, — заявил Конан, пытаясь сделать шаг к воротам постоянного двора.

— Великий визирь и не такое видел. А если будет нужно, он предоставит тебе все необходимое прямо во дворце.

Стражники с копьями стояли плотно и не думали пропускать киммерийца к воротам.

— Должен ли я снять свое оружие перед таким визитом? — спросил Конан, прикасаясь к висящей на поясе сабле.

— Нет. Великий визирь не боится покушений.

Не пойти было невозможно. Даже если по дороге удастся сбежать от конвоя, стража в воротах может быть предупреждена и сами ворота закрыты. Конан пожал плечами:

— Не мне отказываться от великой чести быть гостем Аль-Тифани. Идемте.

Они пошли, причем, соглядатай быстро переместился за спину киммерийца, так что тот только скрипнул зубами, представив как он бросается на прорыв, а этот мелкий поганец тут

же натравливает в погоню за ним кучу горожан. Впрочем, шествие оказалось спокойным. Никто не показывал на них пальцами, не выкрикивал оскорблений и не выступал с громогласными комментариями. Стражники довели киммерийца до ворот дворца, знакомого тому по ночному визиту, и остались у ворот. Дальше его повел один из слуг.

Конан начал понемногу успокаиваться. Даже если его опознали и влекут к ответу, то не похоже, что его собираются тут же повязать и покарать. Для этого у стражников были все возможности...

Они прошли через цветущий ухоженный сад, вошли во дворец, поднялись на третий этаж и вошли в ту самую большую комнату, через которую Конан попал в здание ночью.

— О, вот и наш дорогой гость, — с радостью приветствовал киммерийца великий визирь. Был он невысок, лет сорока на вид, в роскошных шелковых шароварах, белоснежной рубахе и шитом золотом халате. Небольшая чалма была украшена крупным изумрудом в золотой оправе.

— Чем я заслужил столь высокую честь?.. — начал было Конан, но визирь прервал его:

— Проходи, присаживайся, угощайся.

Конан сел на предложенный диванчик, с сомнением посмотрел на писца, который, оставив пергаменты, налил в два роскошных кубка вино из небольшого кувшина. Визирь взял один из кубков и отпил из него. Конан взял свой бокал, повертел его в руках, но пить не спешил. На столике стояла серебряная ваза с крупным виноградом и спелыми персиками.

— Угощайся, не бойся, — продолжал визирь.

— У меня нет намерения причинить тебе вред. Я рассчитываю, что мы сможем быть весьма полезны друг для друга.

Конан хмыкнул, поставил кубок на стол, взял с вазы персик и съел его. Персик оказался замечательный.

— На меня произвел неизгладимое впечатление тот налет на мой дворец, который ты устроил сегодняшней ночью, — продолжал хозяин.

— О чем это изволит говорить великий визирь? — пробормотал Конан, чуть было не подавившийся кусочком нежного плода.

— А ты еще и бесподобный лицедей, — восхитился Аль-Тифани. — Но успокойся, мой драгоценный гость, ты же видишь, что никто не кидается на тебя с тем, чтобы тащить на площадь и рубить руку, как-то неукоснительно применяется к обычным ворам в нашем государстве.

— И кто бы это потащил меня? — медленно спросил Конан, положив руку на рукоять сабли.

— А вот этого не надо. Как бы ты ни был силен и ловок, две тысячи городских стражников тебе не перебить. И, чтобы развеять твои сомнения, меня тебе тоже не взять в заложники. Можешь мне поверить, что я в случае необходимости справлюсь с тобой, причем, не вставая с этого места. Хотя мне и не хотелось бы этого делать.

Конан протянул руку к блюду с фруктами. Он чувствовал, что визирь, в самом деле, уверен в своей безопасности. И пока не появилось непосредственной угрозы, киммериец просто ел персики.

— Так вот, — продолжал визирь, — оцени же мою прямоту. Я знаю, что ты вор. И у меня есть возможность тебя покарать за твое преступление. Но я не вижу никакого смысла в том, чтобы закон в данном случае был исполнен. Таких людей как ты, настолько мало, что

им можно найти лучшее применение, чем заставить вести себя как все! Конечно, в Туране найдутся люди и посильнее тебя. Не много, но найдутся. Но что толку в их силе? Развлекать толпу на торговой площади, разрывая цепи или заменять быка на тяжелой работе?.. Найдутся люди, которые лучше тебя владеют оружием. По крайней мере, я бы поставил на них, если бы ты сражался с ними на ристалище по твердым правилам поединка. Но насколько они ограничены во всем остальном!.. Есть акробаты, способные ползать по стенам и перепрыгивать через рвы... Но никто из них не смог бы сегодня ночью проделать все то, что ты натворил в моем дворце! Это было неповторимо — проникнуть в хорошо охраняемый особняк, сломать замки, пробиться силой и уйти от преследования!

Конан доел персики и принял за виноград. Аль-Тифани смотрел на него злым взглядом, но голос его звучал ласково:

— У меня есть для тебя дело, которое не сможет исполнить никто другой,

— Я весь внимание, — с набитым ртом пробурчал Конан.

— Ты ко мне есть, что ли, пришел? — не выдержал Аль-Тифани

— А великий визирь думает, что дикого варвара каждый день так угощают?

— Ладно, слушай же. Власть нашего государя уже три года терпит неисчислимый ущерб от одного злобного мага, который подчинил себе изрядный кусок Кезанкийских предгорий. Жители провинции перестали платить налоги, по воле мага выстроили ему каменную башню, и справиться с этим мы не в состоянии.

— Разве армия Султанапура уже не в силах сокрушить захватчика? — искренне удивился Конан.

— Армия всегда готова встретиться в поле с любым врагом и победить его. Но это же колдун! Покажи ему... — велел визирь своему помощнику, безмолвно сидевшему в уголке. Тот откинулся широкое полотнище, укрывавшее кучу каких-то вещей в углу комнаты. Конан подошел и увидел груду искореженных доспехов. Шлемы, проплавленные насквозь, панцири, покрытые толстым слоем окалины, скожившиеся от страшного жара кожаные ремни и поддоспешники, все залито почерневшей кровью.

— Вот против этого наши воины бессильны, — сказал визирь. — Потому мы и не можем сокрушить проклятого мага и разнести его замок по камешкам. Не столь много погибших, но уцелевшие бегут, и невозможно их удержать. Даже децимация не помогает.

— Что такое децимация?

Казнь каждого десятого. Когда солдата посыпают в атаку, он должен идти и сражаться. А трусость и бегство с поля боя грозят прочности всего государства. И наказываются беспощадно.

— Сурово. Но против мага следует использовать другого мага.

— А ты думаешь, что могущественные колдуны толпами ходят у нас по дорогам и только и ждут нанимателя? Как же! Которые ходят, те почти ничего и не умеют, кроме как выманивать деньги из казны непомерными обещаниями. А когда дело доходит до исполнения обещанного, начинают нести несусветный вздор. То им мандрагора недостаточно свежа, то звезды не с той стороны светят, то порошок лотоса выдохся, то девственницы были недостаточно скромны! Опустошили закрома султана хуже саранчи. А настоящие маги сидят в своих башнях и то ссылаются на гильдейское братство, то заняты своими делами сверх всякого разумения. Хотя подарки берут, ни один еще не отказался!

— Так значит, я должен буду с магом сразиться?!

— Конечно. А кто же еще?

— Это чтобы и меня в эту же кучу горелых доспехов положили? Для полноты картины?

— Ты, в самом деле, не понимаешь, или цену себе набиваешь? Эти солдаты погибли на поле боя. А ты можешь залезть в башню мага ночью, застать его врасплох, перебить его слуг и, если удастся, убить его самого. Никто не ждет, что ты будешь изображать из себя мишень для огненных стрел!

— Все равно. Я с магами достаточно сталкивался, чтобы ожидать от них любых пакостей. Влипну в магическую ловушку — и никакая ловкость не поможет!

— Послушай, меня тоже не интересует, чтобы ты пополнил коллекцию спаленных героев. Мне она и даром не нужна. Мне нужно, чтобы ты не погиб, а победил! В день перед твоей вылазкой мы начнем новое наступление, чтобы колдун отвлекся и "потратил свою магию днем. А ты пойдешь ночью. И дам я тебе особый амулет, который защищает владельца от чужой магии. И еще дам я тебе напарника. Он тоже по стенам хорошо ползает и ножи кидает отлично. Я его и готовил для налета на замок, но против тебя он слабоват. В ближнем бою его могут задавить, он не отобьется, как ты. Пойдете вдвоем, подстрахуете друг друга...

— Как часто маг может посыпать огненные стрелы? — Конан перестал упираться и начал рассматривать деловые подробности.

— Одну за другой, — ответил визирь, заметивший колебания киммерийца и заметно оживившийся, — на счет «раз, два, три». Не чаще.

— А насколько быстро летят эти стрелы?

— На счет «раз, два» пролетают три сотни шагов,

— То есть внутри замка — практически мгновенно. Увернуться не успеть. Раз — и я уже зажарен!

— Так ты же не будешь стоять там столбом! Это он по войску не промахивался, а влет вряд ли попадет.

— Ну, хорошо, — сказал Конан. Он успокоился и, не торопясь, стал доедать виноград с блюдом. — И какую же награду предложит мне великий визирь за столь неудобное задание?

— Если ты захочешь получить деньги и уйти, то тысячу золотых.

— Щедрая награда, — сказал Конан, — и при этом в разумных пределах, А то когда обещают золотые горы, обычно потом пытаются расплатиться острым железом.

— Понимаешь, киммериец, я предпочел бы, чтобы ты остался у меня на службе. Тысяча золотых — большие деньги, но они утекут от тебя, как вода. Или ты собираешься купить участок земли и пахать его до скончания своих дней? Если мы сможем победить мага, я сделаю тебя сотником гвардии султана, и у меня будет достаточно работы для тебя, чтобы ты мог довольно высоко подняться на военной службе и стать моим доверенным помощником. Я честен с тобой — наши аристократы слишком гордятся собой, привыкли к роскоши, не желают и не умеют делать дело. Старые связи, старая вражда, все это так мешает! Ты будешь независим от всех этих вещей. И тысяча золотых будет несоизмерима по сравнению с тем, что ты можешь иметь. У тебя будет дворец и слуги, золото и жены, все, что пожелаешь!

— Это хорошо, — протянул Конан. Он предполагал, что визирь умолчал о том, что человек без связей не будет ему соперником, что таким человеком легко пожертвовать, если дела пойдут не так, как замышлялись. Но пока он останется полезен визирю, тот будет выполнять обещанное. — Так когда же мы начнем?

— Так... Раз мы договорились, то сегодня я посыпаю гонцов военачальникам, и у нас будет два дня, чтобы дать войскам собраться для вторжения в земли, подвластные магу. А пока ты будешь жить в моем дворце, слуги покажут тебе покой. Твои вещи уже там, я

приказал забрать их с постоянного двора. И лошадь тоже.

После разговора с Аль-Тифани слуги провели Конана в предназначенные для него покой. Это оказалась большая комната, устеленная коврами и снабженная роскошным ложем под шелковым балдахином. Узкие высокие окна хорошо спасали от солнечных лучей, но вылезти через них было бы невозможно. И располагалась комната в одном из тупиковых коридоров дворца, а коридор от нее к лестнице проходил мимо зала, где постоянно толпились слуги, посыльные, стражники. Пройти мимо них незамеченным было невозможно. Не то чтобы Конан помышлял о бегстве, скорее он просто рассматривал возможные варианты, и ему не нравилось отсутствие запасных путей.

Визирь, конечно, легковерием и доверчивостью не страдает. Чего нет, того нет. В случае чего от него можно будет ожидать и кинжал в спину, и яд в бокале. Но пока что он предлагает такую работу, на которую действительно не пошлешь кого попало. Во всей армии султана не найдется много бойцов, которые пошли бы на такое дело. Равных киммерийцу действительно просто нет. А схватка покажет, кто чего стоит!

Конан перестал мучиться бесплодными размышлениями и, крикнув слуг, велел принести вина. Желание киммерийца было выполнено так, что было ясно, что его действительно принимают как почетного гостя, а не как неявного пленника. Не успел в коридорах замка смолкнуть звук повелительного возгласа, как в покоя Конана одна за одной вошли четыре девушки, не отягощенные излишней одеждой, но несущие при этом кувшины с вином и подносы с едой, музыкальные инструменты и разноцветное опахало. В одну минуту низенький столик был накрыт, и одна из девушек, грациозно устроившись возле столика и наливая в большой кубок вино, преданно поинтересовалась:

— Повелитель желает усладиться музыкой и танцами?

Конан сел возле столика, крепко обнял красавицу и решительно произнес:

— Желаю! Начинайте.

Остаток дня и половину ночи Конан провел в загуле, сполна вкушая плоды удовольствия из щедрых закромов великого визиря. Сотрясались полы от неистовой пляски киммерийца, опрометью бросались слуги на его призывные возгласы, а распорядитель дворца с уважением сказал, что варвар хорошо гуляет.

Утром Конан проснулся с первыми лучами солнца, проникшими в узкие окна его комнаты. Он осторожно поднялся, чтобы не будить спящих девушек, оделся и сходил во вспомогательные помещения дворца умыться и оправиться. Когда он вернулся в свою комнату и с некоторым изумлением рассматривал следы вчерашней гулянки, одна из девушек проснулась.

— Что угодно господину? — тихонько спросила она, надевая свое скромное одеяние и поднимаясь с разоренной постели. Ее полусонные глаза

смотрели испуганно и искательно.

— Ничего, — так же негромко ответил Конан.

— Пить хочешь?

— Нет.

— Хорошо. Ну и как вам живется во дворце? Визирь что, добрый хозяин?

Девушка осторожно покачала головой.

— Вот как? Это интересно. Так чем же он у вас славится?

— Нам нельзя ничего рассказывать про хозяина...

— Послушай, я не собираюсь с ним обсуждать ничего лишнего. Так что ты о нем

можешь сказать?

- Что может знать рабыня?
- Не очень много. Но скажи, что знаешь.
- Он любит истязать людей...

— Понятно. Это бывает. Сам истязает или только смотрит? — По-разному. — За вину или просто так? — Если есть желание, то вина всегда найдется. — Это верно. Конан порасспрашивал девушку о приближенных визиря и его врагах, о заговорах знати и настроениях в городе. Узнать удалось не очень много, но кое-что было полезным. Тут стали просыпаться остальные девушки, и Конан пошел в сад, распорядившись прибрать комнату. Его сопровождали, но ненавязчиво. Впрочем, он не испытывал судьбу и даже вышел без сабли, чтобы показать свое полное доверие визирю и его слугам. Некоторое время спустя посланный визирем слуга пригласил киммерийца во дворец. На этот раз с визиром был молодой худощавый человек в богатой одежде царедворца и с повадками притаившейся змеи. Впрочем, истинный его возраст было трудно определить. Гладкая кожа и коротенькая борода делали лицо моложавым. Он был невысок, но его движения и острый оценивающий взгляд давали понять, что это боец не из последних. За поясом у него было два кинжала, один прямой и короткий, другой более вытянутый и сильно изогнутый. Таюэй клинок наносит неглубокие, но длинные раны, рассекая плоть до костей. В ближнем бою от него не закроешься и мечом. Оружие не для поля боя, легкий доспех от него защищает достаточно хорошо, а для схваток на улицах и во дворцах вполне пригодное.

— Вот, Алихун, это и есть Конан из Киммерии, — начал Аль-Тифани, — Конан, это Алихун, мастер клинка и мой ближайший помощник. С ним вы пойдете штурмовать башню мага. Присаживайтесь, и давайте обсудим все подробности.

— Как ты собираешься подняться на башню? — спросил Алихун.

— А насколько высока башня? — спросил в ответ Конан.

— Локтей тридцать.

— Немного. Я бы воспользовался веревкой с крюком.

— Не пойдет, — покачал головой Алихун. — Если на башне будет часовой, он услышит лязг крюка о камень.

— А как собираешься подниматься ты?

— Я поднимусь прямо по стене. Я не сомневаюсь в твоей силе, киммериец, но ты гораздо тяжелее меня. Сможешь подняться без веревки?

— А что за стена?

— Тесаный камень, положен без раствора, но достаточно плотно. Клинок между камнями пройдет, а пальцами зацепишься только по краю. Но облицовки нет, что упрощает дело.

— Ты сам смотрел?

— Да.

— Если вершина башни не выступает наружу, я поднимусь по такой стене.

— По вершине башни идет парапет с защитными зубцами, выступающий на локоть.

Конан задумался.

— До парапета я доберусь, — медленно сказал он. — Но потом мне придется воспользоваться веревкой с крюком. Я закину крюк и через несколько мгновений поднимусь наверх.

Возможно, часовой не успеет поднять тревогу.

— Возможно, — с легким оттенком презрения произнес Алихун. — Нет, мы сделаем лучше. Я уберу часового и брошу тебе веревку.

— Это будет неплохо, — признал Конан, — но я тоже захвачу веревку с крюком. На всякий случай. Можно будет это подготовить? — обратился он к визирю.

— Я подготовлю все необходимое, — ответил Алихун. — В том числе двойной набор закаленных клиньев. Тебе приходилось ими пользоваться?

Он выложил перед Конаном горсть стальных уплощенных клиньев.

— Загоняешь клин между камнями и используешь как опору. Только чтобы без стука.

— Обычно яправлялся с тем, чтобы залезть на стену, без таких клиньев, но полагаю, что смогу ими воспользоваться.

— Клин может не выдержать твоего веса, поэтому не доверяйся одной точке опоры. У тебя всегда должны опираться на стену две ноги и рука или две руки и нога. Свободная рука или нога при этом ищет новую опору.

— Да поднимался я по стенам, не сомневайся, — оскорбился Конан, — можешь не учить меня таким вещам.

— Не обижайся по пустякам, — спокойно ответил Алихун, — лучше лишний раз повторить, чем один раз сделать неверное движение. Я готов выслушать твои советы, если ты захочешь поучить меня чему-нибудь полезному.

— Хорошо, — согласился Конан. — Предположим, мы успешно поднялись на башню и убрали часового. Что дальше?

Идем вниз. Убиваем всех, кто попадется на дороге, взламываем все двери. На верхних этажах должна быть лаборатория мага, там я попытаюсь забрать все, что может быть полезно, а остальное уничтожаем.

— Еще вопрос: один из нас входит в неизвестное помещение, другой его защищает от неожиданностей. Кто будет идти первым? Если ты будешь идти впереди, то я тебя вытащу в случае чего.

— А если первым будешь ты, то я с уверенностью поражу любого противника, который попытается напасть на тебя сзади, — возразил Алихун. — Ты ножи хорошо кидаешь?

— Не очень. Я лучше в рукопашной покрошу врагов.

— Тоже верно. Тогда тебе не стоит брать метательные ножи. Кинжалы — само собой?

— Да. В башне, видимо, будет довольно тесно? С мечом не размахнуться?

— Несомненно.

— Тогда я возьму саблю. Да, великий визирь обещал мне талисман, защищающий от магии!

— Вот он. — Аль-Тифани протянул Конану талисман — семилучевую серебряную звезду с темно-красным камнем в центре с цепочкой, чтобы надеть его на шею.

— А у тебя есть что-нибудь в этом роде? — спросил Конан у Алихун.

— Не в этом роде, — слегка улыбнулся Алихун. — Но у меня есть защита от магии.

— Хорошо. Тогда я предлагаю так: мы по очереди входим в новые помещения. Сначала я первый, потом ты первый. Договорились?

— Договорились.

— Теперь дальше. Когда мы убьем мага, то уходим, как пришли? Тогда нас должны будут встретить люди с нашими лошадьми.

— Ты не понял, киммериец. — На лице Али-хуна впервые появилась широкая

улыбка. — Справившись с магом, мы убьем всех обитателей башни и встретим у входа наши войска!

* * *

Через три дня Конан и Алихун с отрядом конных воинов въезжали в мятежную провинцию. Командир отряда, молодой красавец, имевший среди прочих достоинств знатное происхождение и боевой опыт, ограниченный охраной дворцов в Султанапуре, получил от Аль-Тифани четкое указание обеспечивать действия лазутчиков, выполнять все их распоряжения и не встречать ни в какие посторонние стычки. Для подавления возможного сопротивления местного населения шли регулярные войска. Столичные воины были достаточно вышколены дворцовой службой, чтобы не задирать Конана и Алихуна явно, но достаточно глупы, чтобы отпускать неуместные шуточки в непосредственной близости от них. Конан уже собирался было приложить руку к обладателям излишне длинных языков, но Алихун переговорил с командиром отряда, и тот сумел так пригрозить своим подчиненным, что они на некоторое время заткнулись.

Местность была неблагоприятной для действия больших армий. Равнина переходила здесь в плоскогорье, и крутые склоны высоких холмов были густо покрыты непроходимыми зарослями колючего кустарника. Мелкие отряды пеших лучников ходили знакомыми тропами вполне беспрепятственно, а конница пройти не могла. Поэтому туранские воеводы вели войско вдоль дорог двумя колоннами, которые должны были встретиться перед башней мага.

Небольшие участки, распаханные под поля, рощи плодовых деревьев и пастбища были тщательно ухожены жителями окрестных селений. Сейчас эти селения горели, а жители бежали в укрытия, недоступные конным воинам, встречая войсковые разъезды тяжелыми боевыми стрелами. Замок мага был поставлен там, где длинная гряда холмов расступалась и открывала путь к широким долинам предгорий, где плодородная почва и текущая с гор вода были весьма благоприятны для земледелия. Замок прикрывал проход, защищая его от вторжения. Небольшой ручей не был преградой для конницы, но пройти мимо замка она не могла. А лучники, засевшие в кустарнике, не давали возможности пройти по краю. Конан и Алихун с безопасного расстояния смотрели на то, как туранские конные лучники пытаются состязаться в стрельбе с мятежниками. Результат не впечатлял.

Башня, возвышавшаяся рядом с дорогой, была четырехугольной, с узкими бойницами на верхних этажах и выдающимся парапетом с защитными зубцами наверху. Толстая дверь из досяг, собранных в железную оковку, приняла до сотни местных жителей, бегущих от нашествия, и плотно затворилась. Пристроенные рядом с башней хозяйственые постройки были связаны каменным забором в рост человека, создавая закрытый двор, а в одну из сторон от замка начиналась новая стена, сложенная из того же камня и достигавшая в высоту до пятнадцати локтей. Стену, видимо, начали строить недавно, и до ее завершения было еще довольно далеко, но было понятно, что с постройкой стены башня превратится в цитадель довольно мощной крепости, которая сможет принять под свою защиту до трех тысяч человек, и тогда даже сильное войско не сможет взять его приступом. Даже сейчас недостроенная стена успешно перекрывала коннице половину прохода, ведущего в долину.

— Пока что замок не выглядит слишком грозным, — сказал Конан, — Даже под

огненными стрелами можно было бы преодолеть расстояние до него и прорваться в долину с небольшими потерями.

— И что дальше? — мрачно спросил Алихун. — Войско будет запечатано, выход закрыт.

— И обратно так же прорваться.

— Так что, с каждым сборщиком налогов войско посыпать? Туда и обратно? Это не решение. Вот когда мы восстановим свободный доступ на эти земли, тогда можно говорить, что мы сделали свое дело. А для этого надо взять башню.

Конные отряды туранских воинов тем временем сделали попытку все-таки прорваться в долину. Один из отрядов подвергся магической атаке, и Конан мог собственными глазами увидеть летящие с вершины башни сгустки белого огня. Еще один отряд был накрыт шквальным порывом ветра с дождем, мгновенно превратившим землю под ногами лошадей в вязкое месиво, пусть не столь смертоносное, как огненные стрелы, но не менее действенное — воины развернули своих лошадей и поспешили вернуться на исходную позицию.

— Ваши солдаты не слишком хороши, — заметил Конан.

— А с чего бы им быть хорошими воинами? — удивился Алихун. — Кого набирают в армию? Безземельных крестьян. Бездарных ремесленников. Сброд. Сколько-нибудь стоящих бойцов едва хватает, чтобы составить гвардию султана. Да воеводы кое-как собирают по две-три сотни бойцов, которых могут бросить в сражение, не опасаясь, что те сразу разбегутся. Это костяк армии, а остальные — просто быдло, которое только и способно, что обирать крестьян и изображать могущество нашей армии.

— И как же такая армия защищает вашу страну?

— А от кого ее защищать? С ближними соседями у нас достаточно твердые границы, им нет никакой причины начинать войну.

— Но ведь такое положение когда-нибудь изменится.

— А кто скажет султану, что его армия — куча дармоедов, не способных воевать? Кто возьмется сообщить ему столь радостное известие? Может быть, ты захочешь попробовать?

Весь день до глубокой ночи туранское войско провело в бурной деятельности. Спешенные воины вырубали кустарниковые заросли вокруг лагеря и сваливали их рядами, чтобы не подвергнуться ночному нападению. Войковые плотники сколачивали таран на колесах, заключенный в деревянную раму, которую обивали несколькими слоями сырых шкур. Таким образом, скот, захваченный в окрестностях лагеря, использовался дважды — мясо шло в котлы, а шкуры на укрытие от огненных стрел. Неизвестно было, удержит ли эта защита, магический огонь, но солдат должен быть занят каким-нибудь делом, а противник — пребывать в твердой уверенности, что его готовятся атаковать не раньше завтрашнего дня.

Тем временем передовые отряды туранских конников настойчиво продолжали демонстрировать противнику свою активность — проносились мимо башни и стены, пускали стрелы, пересекали ручей и возвращались обратно. Помимо отвлечения внимания противника, они пытались отыскать возможные ловушки. Пока ничего обнаружить не удалось, похоже было, что противник более всего надеется на магическое оружие и не готовит военных хитростей.

Стемнело. Сотники неистовой руганью напутствовали отправляющихся в дозор часовых, гасили костры, от башни возвращались передовые отряды и устраивались на ночлег. Отряд столичных гвардейцев, выделенных для поддержки лазутчиков, расположился на переднем краю лагеря, чтобы пойти на вылазку, не тревожа часовых. Командир гвардейцев получил четкие инструкции — с первыми признаками приближения рассвета поднять свой отряд,

седлать коней и выдвинуться так, чтобы по сигналу доскакать до башни и там действовать по обстановке — захватывать башню, если ворота окажутся открыты, либо забрать Конана и Алихуна, если они потерпят неудачу.

За пару часов до рассвета лазутчики двинулись вперед. Они беспрепятственно добрались до башни и начали подниматься по стене. Шершавый песчаник был удобен для подъема, но швы между камнями были невелики, только чуть зацепиться кончиками пальцев. Изредка приходилось использовать клинья. Конану, родившемуся в горах, было привычно удерживать на весу свое тело при малейшей опоре, но и Алихун здесь ему не уступал. В черном облегающем костюме, с кинжалами за поясом, перевязью с метательными ножами и карманами, набитыми клиньями и разными приспособлениями, он первым успел подняться до парапета. Здесь он аккуратно загнал железный клин в щель между камнями кладки, раскорячился между стеной и парапетом, опираясь на клин, поднялся и ухватился за край парапета. Затем он быстро подтянулся и змей скользнул между зубцами башни. Конан оценил его ловкость, но решил не ждать, пока Алихун бросит ему веревку. Он также забил клин в стену и двинулся вверх. Он был гораздо тяжелее Алихуна, но больший рост и длинные руки позволили ему дотянуться до края парапета. Вылезая наверх, он наткнулся на Алихуна, который только доставал свою веревку. На площадке башни лежало тело часового, из-под которого вытекала лужа крови, черная в слабом свете месяца.

— Ты уже справился? — удивился Алихун, увидев перед собой киммерийца. — Тогда идем.

Лестница с вершины башни вела вниз, в темноту. Лазутчики двинулись вниз и обнаружили, что внутри освещение все же есть через каждые два десятка шагов горели крошечные масляные светильники на стенах. Одна из дверей на верхнем ярусе была открыта, и в ночной тишине можно было различить сопение спящих людей. Алихун сделал знак Конану остановиться и стал прислушиваться.

— Семь человек, — звук его голоса был не громче шуршания песка, сметаемого ветром пустыни, — шесть на полу у стены, один за столом. Я войду и убью того, что за столом, ты идешь следом, и мы убиваем остальных. Входим медленно, тихо, а убиваем быстро.

Конан кивнул и мягким движением вынул свои кинжалы. Алихун проскользнул внутрь, тоже с кинжалами в руках. Конан так же осторожно вошел следом, сделал шаг к спящим у стены, и, услышав мягкий удар клинка, начал убивать. Алихун убил спящего за столом человека так, что тот не издал ни звука, и тут же метнулся к спящим. Первые их жертвы умерли во сне. Последние, отреагировавшие на легкую возню и хрипение своих соседей, не успели ничего понять и тоже получили смертельные удары.

Конан с отвращением отступил, вытирая окровавленные клинки: он не любил убивать беззащитных. Грязная и омерзительная работа... Алихун тем временем добил тех раненых, которые еще подавали признаки жизни. Он двигался быстро и возбужденно. Обыскивать трупы они не стали, сейчас им были не нужны никакие трофеи.

Еще одна дверь оказалась открыта, но за ней не нашлось ничего интересного — связки дротиков и мешки с камнями, заготовленные для отражения штурма, если огненные стрелы не смогут остановить наступающих. Следующая дверь на верхнем ярусе была закрыта на замок, людей за ней не было слышно. Конан вогнал в щель свой кинжал, рванул и выворотил замок. Он вошел внутрь, следом за ним вошел Алихун.

— Лаборатория! — тихим, но уверенным голосом произнес Алихун.

Действительно, это не могло быть ничем иным. Пучки душистых трав наполняли воздух

пряным ароматом. На столе лежали куски пергамента и толстая книга, стояли три заплывшие свечи в массивных подсвечниках, не хватало лишь черепов и чучела крокодила, хрустального шара и железной пентаграммы. Возле стола на полке были разложены какие-то предметы, назначения которых Конан не понял, а Алихун зажег свечу и принялся жадно их перебирать, отбрасывая с явным разочарованием.

Вдруг сзади раздался продолжительный шорох. Из-за ушедшей в сторону каменной плиты метнулся человек и схватил какой-то предмет, стоявший у стены в специальной подставке. Тем временем второй человек, появившийся из того же потайного хода, двинулся вдоль другой стены, кидая метательные ножи в лазутчиков. Первый уже скрывался в потайном ходе, унося неизвестный предмет с собой и что-то громко выкрикивая. Конан бросился в сторону, уходя от летящего в него ножа, потом рванулся вперед, чтобы достать противника в рукопашной. Алихун уклонился от ножа, брошенного в него, и мгновенно поразил врага. Тут же он выхватил из перевязи и метнул кинжал в первого визитера, но железо лязгнуло уже только по камню. — За ним! — крикнул Алихун. Конан сунулся в потайной ход, и тут каменная плита стала закрываться. Киммериец принял вес плиты на руки, уперся спиной в спину, напряг свои могучие мускулы и остановил движение плиты. Шорох плиты перешел в скрежет невидимого механизма, и плита замерла. Алихун проскочил мимо напарника и устремился в темноту коридора. И тут же посыпался вниз по ступенькам — потайной ход перешел в лестницу. Конан рванулся следом. Потайной ход привел их к полузакрытой двери. Алихун врезался в нее, но открыть не смог — дверь была чем-то заклинена. Конан ударил дверь ногой, та треснула и перекосилась, так что стало можно протиснуться через нее.

Лазутчики оказались в обширном помещении, в котором около десятка полуголых людей с разномастным оружием в руках собирались перед незваными гостями. В тусклом свете масляных светильников было видно, что противники вооружены чем попало — саблями и копьями, трезубцами и топором. Человек, убегавший по потайному ходу, стоял у них за спиной и направлял сейчас на лазутчиков унесенный предмет. Конан двинулся в сторону, по природной привычке не ждать, пока нацеленное на тебя оружие покажет свою мощь. Он не ошибся — огненная стрела ударила в искореженную дверь, воспламенив ее, а Алихун тут же кинул в мага нож. Клинок вошел тому в плечо, он вскрикнул и кинулся в проход за своей спиной. Один из его людей последовал за ним, другой стал запирать дверь, а остальные бросились в атаку.

Конану и Алихуну было уже некогда договариваться о распределении обязанностей, но встретили они противников практически одинаково — смертоносными выпадами кинжалов. Поразив первых противников, Алихун метнулся к киммерийцу, чтобы они могли прикрывать друг друга, а Конан выхватил саблю и врубился в толпу врагов, разрубая головы и вспарывая животы, отрубая руки с занесенным оружием и опрокидывая нерасторопных. Алихун тем временем отбился от троих, получив легкую рану в плечо, а Конан срубил последнего противника перед собой, развернулся назад и помог напарнику справиться с его врагами.

— Надо догнать мага! — Алихун неудержимо стремился к выполнению основной задачи. — Идем!

Дверь опять оказалась заклиненной, и Конан несколькими яростными ударами разнес ее на куски. Беспокоиться о скрытности было поздно. Они вышли в коридор, и их встретили стрелами. Легкие охотничьи стрелы прошли воздух, и Алихун, метнувшись в сторону, начал кидать ножи. Стрелков было всего двое, и он не промахнулся. Добив стрелков кинжалом, он

вшел в следующую комнату. Тут были женщины и дети, перепуганные и сбившиеся в кучу.

— Куда пошел маг? — голос Алихуна скрежетнул железом по камню.

— Будьте вы прокляты, убийцы, — с ненавистью в голосе выкрикнула одна из женщин.

Алихун полоснул ее кривым кинжалом и, не глядя на падающее тело, снова спросил:

— Куда пошел маг??!

— Здесь нет выхода, — сказал за его спиной Конан, — оставь женщин в покое.

— Враг бывает только живой или мертвый, — ощерился Алихун. — Надо убить их всех!

— Здесь нет выхода. Пойдем искать дальше. Алихун заскрипел зубами. Волчья жажда убийства толкала его на то, чтобы добить всех живых, но Конан уже выходил из помещения, и Алихун, шипя от злобы, последовал за ним. Конан спустился на следующий ярус и здесь снова наткнулся на стрелков, поэтому тут же устремился вниз. Алихун не отставал. Как ни велико было его стремление убивать, осторожности он не терял. Отступая под стрелами, они быстро сбежали на нижний ярус и здесь, у ворот, встретили отряд, более напоминавший воинов. По крайней мере, на них были легкие доспехи и шлемы, вооружены они были саблями и боевыми копьями с окованными железом древками. Конан врубился в них, опрокидывая и разгоняя в стороны, а Алихун бросился открывать ворота.

Оставив за собой несколько порубленных стражей, лазутчики выбежали из башни и под градом камней и стрел из окон помчались прочь. Конники их отряда скакали навстречу. Но ворота уже закрывались, и штурм не состоялся. Потеряв нескольких человек, убитых с башни дротиками и стрелами, конники повернули назад. Лазутчики вскочили в седла приведенных для них коней и устремились прочь.

Вернувшись в лагерь, Алихун немедленно потребовал встречи с воеводой, командующим турецкими войсками. В шатре он предъявил тому пергамент с печатью великого визиря, наделявшим Алихуна немереными полномочиями.

— Ну, и что же мы должны делать? — опытный царедворец даже не пытался впустую спорить с одиозным приказом, но нисколько не сомневался в возможности уклониться от его исполнения в связи с непреодолимыми препятствиями.

— Штурмовать башню, — решительно ответил Алихун. — Там нет настоящих воинов, а только всякий сброд, не умеющий держать оружие в руках. Мы вдвоем положили в башне больше тридцати человек, и мне удалось ранить мага. Мы должны во что бы то ни стало добраться до колдуна и отнять у него магическое оружие. Готовьте войска к штурму!

— Хорошо хвалиться подвигами, которых никто не видел, — возразил воевода. — А вот идти в атаку, когда тебе в лицо летят огненные стрелы, это нечто иное.

— Ваши солдаты что, сами решают, когда выполнять приказ, а когда отказаться? — голос Алихуна был мертвенно спокоен.

— Нет. Вот только мои офицеры не поведут солдат на верную смерть. Может быть, вы, господа, возглавите атаку? Тогда никто из моих людей не посмеет отказаться.

— Я войсками не командую, — решительно отрекся Алихун, — но я непременно доложу великому визирю, что три тысячи конных войск не решились атаковать укрепления, защищаемые несколькими десятками мятежных крестьян. И, полагаю, децимацией здесь не обойдется!

— К мятежникам подошло подкрепление, — доложил посыльный, который незадолго до этого вошел в шатер командующего с донесением, — они занимают позицию вдоль ручья и загораживаются кольями.

— И много ли их? — поинтересовался Алихун.

— До пяти сотен. Есть лучники, но в основном это пешие крестьяне.

— Тогда надо атаковать, пока они не укрепились, — сказал Конан. — Я готов повести передовой отряд. Там действительно нет воинов, мы достаточно легко прорвемся в их ряды и сметем их.

— Вот и славно! — обрадовался командующий. — Вы с вашим отрядом ударите на врага, и как только обозначится успех атаки, я бросаю следом за вами остальное войско. Хорошо?

— Мне понадобится длинный меч, закрытый шлем и хорошие доспехи, — сказал Конан. — Найдутся на меня такие?

— Ради такого дела найдем, — заверил его воевода.

И вот отряд столичных конников под предводительством киммерийца выехал на передовую позицию. Командующий с приближенными готовил свои войска. Вдоль ручья противник ставил заостренные колья, и атаковать здесь конницей было опасно — опрокинут и перебьют, как куропаток в силках. Но возле башни оставался открытый проход в полсотни шагов. Здесь наверняка густо встретят стрелами, но прорываться надо именно в этом месте.

— Следом за нами хорошо было бы пустить вдоль ручья конных лучников, чтобы они поддержали нас стрелами, — сказал Конан.

— Пошли, непременно. Только, пожалуй, в лучших моих сотнях наберется не более чем по два десятка хороших стрелков.

Конан сплюнул и выругался. Эта армия слишком давно не встречалась с сильным противником, и воины были бойцами только с виду. Ладно, против них тоже не воины, а сброд. Конан не сомневался в успехе. Он прорвется в ряды противника, а сопровождающие его гвардейцы будут просто добивать разбегающихся крестьян. На киммерийце была надета сейчас кольчуга мелкого плетения, закрывавшая бедра, поножи, шлем с забралом, закрывающим лицо. Голова и грудь его лошади тоже были прикрыты легкими доспехами. Только и надо что доскакать до врага — и вся эта толпа разбежится.

— Вперед!

Пошел сбоку небольшой отряд конных лучников, собранных воеводой. И, набирая скорость, поскакал вперед Конан, слыша за собой грозный топот своего отряда. Вот сейчас врежутся они в пеший строй, нанося удары, усиленные скоростью движения. Легко рубить сверху вниз, клинок падает с удвоенной силой, а у противника нет длинных копий и алебард, чтобы доставать конников дальним ударом.

Конан ворвался на мост, перекинутый через ручей, и в этот миг, как по команде, противник дал залп из луков. Две стрелы ударили Конана в шлем, еще две приняла на себя кольчуга, что-то попало в нагрудник лошади. Удары тяжелых боевых стрел болезненны, но кольчуга их выдерживает. Конан преодолевает оставшееся расстоянием до врага и обрушивает удар клинка на первого противника, поднявшего меч для удара, но тут его настигает второй залп. Теперь его поражаю!! стрелами из-за башни, снова кольчуга принимает удары стрел, сминающих стальные кольца, но не пробивающие их, но лошадь взвивается от боли и падает — ей в бок тоже пришли две стрелы.

Конан соскаивает с лошади и чертит мечом широкий круг, освобождая пространство для битвы... и обнаруживает, что его отряд за ним не последовал. Первый залп, поразивший нескольких конников его отряда, заставил остальных заколебаться, а второй обратил в беспорядочное бегство. И первым повернул коня красавец командир с лицом, заливаемым кровью из длинной ссадины от стрелы, чиркнувшей по щеке.

Толпа крестьян, увидевшая, что страшный враг спешен и один, дружно ринулась на него, — и напоролась на стремительные удары длинного меча. Первые из атакующих умерли, не успев упасть на пыльную землю, и задержали тех, кто был за их спиной. Грозный киммериец сделал шаг назад, освобождая место для удара, и проредил второй ряд атакующих. Толпа отхлынула. Теперь Конан мог разглядеть своих врагов. Обычные крестьяне, вооруженные топорами и саблями, охотничими копьями и нелепыми мотыгами, они все вместе не были страшны закованному в доспехи воину. Конан бросился вперед, и его меч снова нашел себе жертвы. Они не умели отводить тяжелый клинок противника, и даже подставив под удар саблю, не могли остановить неудержимое движение меча киммерийца. Он не отражал их ударов, а убивал сам, рассчитывая на прочность доспехов. Изрубив и разогнав десятка два врагов, Конан развернулся и на бросился на тех, которые пытались нападать на него сбоку и сзади. Расчистилась площадка, через которую могли атаковать до пяти конников в ряд. Не поверни коней его отряд, битва была бы уже выиграна.

Конан остановился. Противник был ему не страшен, но гоняться за толпой бессмысленно — его просто сбьют с ног, вцепятся в меч, оглушат топором. Нашлись смельчаки, которые еще раз попробовали напасть на него, и снова киммериец отбился от них, порубив неразумных точными ударами своего меча. Но толпа потихоньку начала сжиматься. Конан понял, что как бы он ни был защищен, как бы ни был смертоносен его клинок, его просто сомнут. Киммериец издал воинственный клич, грозно взмахнул мечом, развернулся и побежал назад, сопровождаемый стрелами с башни. Толпа с воем устремилась за ним.

Убежать в тяжелых доспехах от бездоспешных врагов невозможно, но Конан знал, что делает. На мосту он развернулся, и самые быстрые его преследователи смогли горько пожалеть о том, что они его смогли догнать. Он наносил удары мечом, а поворотами корпуса сталкивал в ручей тех, кого не успевал достать своим клинком. Расчистив мост, он начал медленно отступать, опасаясь теперь лишь камней, которые летели в него с башни. Толпа уже убедилась, что этот воин им не по зубам, и желающих атаковать его больше не было.

И тут, наконец, Конану пришли на помощь. Не его отряд, постыдно бежавший к лагерю, а та сотня отборных воинов, лучники которой пытались поддерживать его атаку. Эта сотня стояла на передовой позиции, готовясь поддержать прорыв отряда Конана и, хотя отряд был рассеян, сотник взял на себя смелость атаковать. Конан спрыгнул с моста на свой берег, чтобы не загораживать дорогу коннице, и один из конников под-, скакал к нему, протягивая поводья оседланной лошади. Конан вскочил в седло, а тем временем конница налетела на толпу за мостом.

Ах, если бы это было в тот момент, когда Конан бился на том берегу! Сейчас атака не достигла цели. Защищающиеся встретили конницу градом камней и дротиков с башни, стрелами и копьями. Первый ряд атакующих конников был сбит, в них врезались следующие, и через несколько мгновений ложе ручья превратилось в месиво из людей и лошадей. Все преимущество атакующей конницы было бездарно потеряно. Крестьяне били солдат, которые тщетно пытались развернуть своих коней в неимоверной суетолоке, отступающих на крупных камнях и толкающих друг друга в самые неподходящие моменты. Часть атаковавшей сотни уже разворачивалась назад, а к ручью уже двинулись основные силы их войска.

Конан попытался собрать вокруг себя отступающих, чтобы они не помешали атаке своих же сил. И в это время рядом с ним промелькнул огненный разряд. Он был нацелен, судя по всему, именно в Конана, но прошел мимо и ударил в конника, который был даже не рядом, а

позади киммерийца. С гнусным шипением пламя охватило солдата, он не мог даже крикнуть — сожженная горталь издавала только предсмертное сипение. Конан тут же дернул свою лошадь в сторону, пропуская мимо еще одну огненную стрелу, которая убила лошадь рядом с ним и опалила всадника.

Атакующая конница уже смешивала свои ряды, обращаясь в бегство. Конан послал свою лошадь вскачь вдоль ручья, чтобы вернее уклониться от огненных стрел и не попасть на пути отступающих. Возвращаясь в лагерь по широкой дуге, он с непереносимым отвращением наблюдал картину бегства туранской армии, С башни было выпущено не более десятка огненных стрел, а две тысячи конных воинов бегут, как крысы...

Конан вернулся в лагерь, привязал лошадь возле палатки своего отряда, отцепил ножны и вынул меч, тщательно вытер его от крови, сбросил шлем с забралом и поножи, с трудом стащил с себя тяжеленную кольчугу, снял пропотевший надкольчужный доспех и полез в палатку искать воду. Хорошо еще, что у этих раздолбаев нашлась вода... Бойцы они были никакие, но о своих нуждах заботиться не забывали. Конан жадно выпил всю воду, которая нашлась в палатке, и прилег отдохнуть. На обнаженном теле медленно наливались синевой пятна от ударов стрел и вспухали рубцы от вражеского железа, остановленного звенями кольчуги. Никакой доспех не выдерживает удара тяжелым оружием, нанесенного в полную силу. Прорубаются кольчуги, сминаются латы, сотрясаются мозги от ударов по шлему. Но каковы людишки!

В палатку вошел Алихун. Посмотрел на мрачного киммерийца и сказал:

— Видел я, как ты бился. Если бы тебя вовремя поддержали, то башня была бы уже взята. Жаль, что я мага достал обычным ножом, а не отравленным. Он, похоже, оклемался.

— Мне этот маг и его огненные стрелы вовсе не кажутся особо страшными, — сказал Конан. — Один он не продержался бы ни дня. Но что меня сильнее всего раздражает, так это то, что какие-то жалкие крестьяне, чем попало вооруженные и не обученные вести военные действия,держивают позицию, а ваши воины бегут, как шакалы.

— А с какой стати им быть храбрыми? — пожал плечами Алихун. — Они привыкли гоняться сотней за десятком кочевников или выколачивать подати с безоружных крестьян. Им никогда не приходилось иметь дело с сильным противником. Но воевода... Если завтра сотники опять дрогнут в атаке, его шкуру великий визирь своими руками натянет на барабан. Завтра ночью я снова пойду на вылазку, а с рассветом войско пойдет на штурм. Пойдешь со мной?

Нет, — Конан покачал головой. — Ты видел, я честно сражался в башне ночью и проложил дорогу к победе днем. Я должен был сделать то, на что не были способны ваши воины — Но я не собираюсь делать за них ту работу, с которой они вполне способны справиться сами! Даже самые тупые, трусливые и слабые воины справляются здесь без меня! Если при этом они позволят противнику убить каждого второго из них, то так им и надо.

— Ладно, — согласился Алихун, — я не буду тебя уговаривать, хотя предпочел бы пойти на вылазку вместе с тобой. Я тут нашел несколько настоящих воинов, которые пойдут со мной, а когда начнется атака, ищи меня возле башни. Я все же постараюсь выкурить мага.

Весь день к мятежникам подходило подкрепление, и берег ручья ощетинивался кольями, закрывался сплетенными из веток кустарника заграждениями. Конана это не волновало. Если бы его в атаке поддержали хотя бы два десятка настоящих воинов, они рассеяли бы мятежников, как волки овчье стадо.

Утром следующего дня Конан проснулся в полумраке, когда войско седлало коней и строилось для атаки. Сотня за сотней уходила из лагеря к своим табунам, седлала коней и шагом выходила по рубеж атаки. Конан не стал надевать кольчугу и шлем, а оделся в свою дорожную одежду, повесил на пояс меч и проверил кинжалы. Оседлав коня, он выехал вперед чуть в стороне от основного войска. Вдруг впереди возник отблеск огня, блеснул снова, усилился и взметнулся дымным коптящим пламенем над башней. Замелькали в свете полыхающего огня суетливые фигурки людей, донеслись приглушенные расстоянием крики и звон железа.

— Вперед! — Приказ воеводы тут же подхватили сотники передовых отрядов. — Вперед!

Ускоряя разбег, рванулись вперед конные воины и дружно преодолели ручей, кто по мосту, кто вброд, чуть снизив скорость, чтобы не переломать ноги лошадям. Первые сотни уже рубили мятежников и сокрушали край укрепления, другие заворачивали за постройки и лезли через стену. Из башни, первый ярус которой был полностью охвачен пламенем, вновь ударили огненные стрелы, но поздно. Битва уже шла вовсю, и даже десяток огненных стрел не остановил, как прежде, атакующую конницу. Воска прорвались, и не мятежным крестьянам было их останавливать.

Конан подъехал к башне, когда из внутреннего двора с хозяйственными постройками распахнули ворота. Из башни слышались крики обреченных людей, а из одного амбара навстречу Конану вышел Алихун с четырьмя воинами, все забрызганные кровью и обвешанные оружием.

Какие-то отчаявшиеся люди продолжали бросать с башни камни и дротики, но это уже было совершенно бесполезно. Несколько турецких лучников выбили последних защитников башни стрелами, и Алихун распорядился гасить огонь. Найденными в постройках ведрами и кувшинами воины начали носить воду от ручья и заливать пламя пожара. Спутники Алихуна явно чувствовали себя героями и громко хвастались количеством зарезанных во сне врагов. Алихун не обращал на своих недавних соратников никакого внимания и напряженно оглядывал башню. Потом он бросился к одной из построек хозяйственного двора, быстро поднялся наверх и стал оглядывать окрестности.

— Уходит! — крикнул он в бешенстве. — Коня мне! Маг уходит, надо его догнать! — Он спрыгнул во двор, схватил первого попавшегося жеребца, вскочил в седло, пнул в лицо воина, пытавшемуся уцепиться за повод своего коня и ринулся вперед так, что встречные шарахались от него в разные стороны. Конан поскакал следом. На пределе видимости была заметна фигурка всадника, стремительно уходящая за зеленеющую рощу.

Преследование мага затянулось. В первой же деревне Алихун потребовал, чтобы ему сказали, куда маг отправился дальше, и дали свежих лошадей. Жители деревни без радости встретили сурогового гостя, коней давать не желали, про мага даже и не слышали, не то чтобы указать его след.

Алихун уже готов был перебить всех жителей деревни и отправиться на поиски мага самостоятельно, но тут их догнал отряд в две сотни воинов, посланный воеводой им на помощь. Началось наказание мятежников. Именем султана объявили, что верноподданный, указавший виновных в подстрекательстве к борьбе с представителями власти, получит

половину его имущества. Нашлись трусы и предатели, которые решились купить свое благополучие выдачей соседей. Кто сводил старые счеты, кто зарился на чужое добро, но вскоре несколько жителей деревни были подвергнуты позорной казни, а Алихун получил-таки сведения о маге. Отряд двинулся дальше, прочесывая окрестные деревни, а Алихун с Конаном устремились вперед, надеясь все же настигнуть беглого мага где-то в пути.

Мага им догнать не удалось, хотя Алихун был уверен, что след они не потеряли. Наступавшая ночь застала их на открытой местности, и пришлось ночевать в роще у костра.

— Вот что меня удивляет, — сказал Конан, когда они насытились припасами, которые нашлись в мешке того воина, у которого Алихун забрал коня. — Все эти крестьяне, они взбунтовались против государя по наущению мага, или как? Что-то они не были похожи на одержимых заклятьем.

— Какое там заклятье, — усмехнулся Алихун. — Накопилось у них недоимок, а визирь повелел взыскивать без снисхождения. Кто не заплатит — пытка. Государству нужны деньги. И где их возьмут подданные, нас не интересует.

— А что же маг?

— А маг просто позволил им взбунтоваться. Ты же видел, что он перекрывал доступ в провинцию. Бунтовщики перебили сборщиков налогов и думали избежать карающей десницы власти под прикрытием колдовства.

— Так что же, мы резали всех этих крестьян только за неуплату налогов?

— Их карали за мятеж, — сухо поправил Конана Алихун. — Но сейчас войска наведут тут порядок. Воевода у нас невеликого ума и полководец тот еще, но дело свое знает. Заплатят мятежники и недоимки, и за мятеж, и на оплату боевых действий. Сполнна заплатят.

— Я привык, что воины сражаются с врагом, — сказал Конан. — Защищают страну от захватчиков и грабителей.

— Э, киммериец! — оживился Алихун. — Когда у государства есть сильный внешний враг, это объединяет подданных. Стремление защититься от общей угрозы сплачивает людей, они уже не думают о своих карманах, а готовы выполнять все, что прикажут. А вот мирная жизнь расслабляет. Воины становятся ленивыми и трусливыми, а подданные оказываются главным врагом государства. Своим нежеланием подчиняться власти они разрушают законы и установления. Внутренний враг гораздо страшнее внешнего. Поэтому лучше истребить половину крестьян, чтобы заставить остальных подчиняться, чем ставить под угрозу все государство.

— Не нравятся мне такие рассуждения, — сказал Конан, — какие-то они неправильные. Государство это всего лишь слово, а за словом можно скрывать разные понятия. Любой чиновник может творить все, что ему вздумается, а потом заявить, что действовал в интересах государства. Вздор! Человек должен иметь право защищать себя сам!

— Ты рассуждаешь как воин-одиночка. Когда ты займешь государственный пост, ты поймешь мою правоту.

Конан подумал, что не очень-то ему и хочется занимать такой пост, но спорить не стал. Когда настанет срок, он будет действовать по своему разумению, а словесные поединки чаще всего бессмысленны. Каждый спорщик остается при своем мнении, укрепившись в нем все новыми доводами против убеждений противника.

На следующий день они продолжили погоню за магом. К вечеру они были в предгорьях Кезанкийских гор. До здешних селений еще не добрались вестники с рассказом о приближении карательных войск, так что Конан и Алихун переночевали в одном из селений,

запаслись водой и продуктами; у Алихуна оказался достаточно большой запас золота, и он купил им по паре сменных лошадей, чтобы их кони получили отдых. Широкая предгорная долина сужалась к горам, возвышавшимся впереди, и Алихун был уверен, что маг не сможет ускользнуть.

— Может быть, он давно свернул в сторону? — спрашивал Конан своего целеустремленного напарника.

— Нет, — уверенно отвечал Алихун. — Я чувствую, что он впереди и опережает нас не намного.

— Ты его запах, что ли, чувствуешь?

— Я чувствую его магическую ауру. Слабо, но чувствую.

— Ты тоже обладаешь магической силой?

— Нет. Но меня учили видеть и замечать.

Слышать и понимать. Чувствовать и улавливать движение своей цели.

Они въехали в горы. В последнем предгорном селении им стали говорить, что в здешних горах в последнее время стали появляться ужасные чудовища, и никто в горы не ходит, но Алихун выспросил подростка, встреченного за пределами селения со стадом овец, и тот сказал, что одинокий всадник в начале дня уехал именно в горы. Причем приехал он из долины, но не той дорогой, которой они прибыли, а со стороны другого соседнего селения. По малолетству пастушок не знал, кто был этот человек, но Алихун не сомневался, что это преследуемый маг.

В горах Алихун признал опыт Конана и ехал за ним следом. Северянин безошибочно нашел старую тропу, которая вела в горы, и действительно увидел, что следы людей на тропе в основном старые. Следы проехавшего перед ними всадника тоже попадались — свежий лошадиный навоз и сбитый мох на камнях. Но места былых привалов, отмеченные черными пятнами старых кострищ, были холодны и не затоптаны — всадник не останавливался для отдыха.

Миновав несколько распадков, Конан и Алихун поднялись на очередной перевал и увидели на противоположной стороне ущелья фигурку всадника,

— Это он! — воскликнул Алихун. — Мы его догоним!

— Догоним, только не сегодня, — возразил Конан. — Смотри, солнце уже садится. Мы успеем только спуститься в ущелье и устроиться на ночлег.

— Он тоже устроится на ночлег, — заблажил Алихун. — Я пойду и возьму его на привал!

— Ну, пойди, — согласился Конан, — только я тебя хоронить не буду. Мага я догоню завтра, а ты будешь лежать в какой-нибудь расселине. И радуйся, если сразу сломаешь себе шею, тогда умрешь легко и быстро. А если сломаешь ногу, то будешь умирать долго и мучительно. Пойми, одно дело — идти по ночному дворцу, хотя бы и наполненному бдительной стражей, и совсем другое — по горам. В горах двинешься в неверную сторону, и попадешь на крутой склон, с которого тебя и днем-то тяжело будет доставать.

Алихун с большой неохотой согласился, они спустились в ущелье, набрали сухих веток от редко растущих деревьев, и развели костер. Едва они поели и стали договариваться об очередности дежурства на ночь, как над горой впереди появилось неясное свечение. Потом в небе возникли яркие светящиеся круги размером с половину горы, они поворачивались в ночном небе, сплетались друг с другом и снова разворачивались. Свечение нарастало и стало сопровождаться низкими гудящими звуками, как будто там какие-то гиганты играли на

музыкальных инструментах мелодию страха и разрушения. Потом вдруг раздался сильный гул и грохот падающих камней, приближающийся с неудержимой силой. Конан схватил напарника за плечо и рванул в сторону.

— Бежим, — крикнул он. — Камнепад!

Они побежали по ущелью, а позади них обрушилась огромная масса каменных обломков, перемолола лошадей, накрыла костер и рассыпалась по окрестностям, исчерпав свою мощь. Были лишь слышны шорох и скрежет камней, оседающих под своим весом на новом месте, куда перенес их обвал с прежнего, где они находились немереное количество лет. Светящие круги исчезли, но свет не погас, он как будто сгустился за горой и теперь медленно приближался.

Конан начал выбирать площадку, чтобы на ней можно было уверенно стоять, не спотыкаясь на камнях и не оскользываясь на склоне. Потом вынул меч из ножен и стал ждать приближения неведомого противника. Алихун занял позицию слева от него, чтобы не попасть под меч киммерийца, взял в левую руку кинжал, а в правую метательный нож. Фигура, светящаяся ровным белым светом, перевалила гору и быстро двинулась в ущелье, с равной уверенностью проходя по крутым склонам и по каменной осыпи. Отчетливо слышались гулкие шаги приближающейся фигуры, но при этом не было слышно движения камней, которые должны были проседать под весом гиганта. А был он раза в два выше Конана и остановился в нескольких шагах перед людьми, устремив на них ярко светящийся лик и не произнося ни единого звука.

— Что тебе надо от нас? — не выдержал Конан.

Мне велено не допускать смертных в эти горы, — медленно произнес сияющий гигант. — Поэтому вы сейчас умрете.

— Да не нужны нам твои горы, — удивился Конан, — мы уйдем с рассветом и больше никогда не потревожим тебя, клянусь!

— Если можно прийти в запретное место и уйти оттуда целым и невредимым, то такой запрет ничего не стоит, — равнодушно объяснил гигант. Он поднял руки, направив ослепительные ладони на каменный обрыв, возле которого стояли Конан и Алихун; раздался гул, и стена стала издавать звук лопающегося камня.

Конан прыгнул вперед и обрушил неистовый удар меча на колено гиганта. Меч прошел сквозь тело, как сквозь туман, так что варвар еле удержался на ногах. Рядом Алихун уже пластил гиганта двумя кинжалами. Конан стал наносить удары с большой скоростью, но не вкладывая в них всю свою силу. Оружие проходило сквозь гиганта без видимого ущерба, но вскоре стало видно, что от этих многочисленных ударов он теряет форму. Тело его до пояса превратились в бесформенный сгусток слабо светящегося тумана, лицо исказилось напряженной гримасой, он начал делать плавающие движения руками, и светящаяся пелена стала заволакивать Конана и Алихуна. Они вдруг почувствовали, что их движения замедляются и нет сил отбежать в сторону, а пелена превращается в плотную оболочку.

— Амулет, Конан! — медленно произнес Алихун, поворачиваясь к киммерийцу. Конан так же медленно сунул руку себе под куртку и вытащил серебряный амулет, который ему дал Аль-Тифани. Серебряные лучи были озарены светящимся ореолом, а красный камень полыхал ярким светом, и в его лучах уплотняющийся кокон рассыпался на отдельные кольца света, пропала замедляющая сила гиганта, и он начал весь превращаться в набор светящихся колец, которые постепенно гасли и рассеивались в пространстве.

— Вы все равно умрете, — медленно, но с абсолютной уверенностью в грядущем

раздались слова гиганта, и он исчез совсем.

— Что это было, ты знаешь? — спросил Конан. Он не расслаблялся, продолжая напряженно всматриваться и прислушиваться. Из-под обвала тянуло дымом заваленного костра, медленно затихал шорох камней, но никакой угрозы больше не ощущалось. Алихун сел на землю и принял внимательно разглядывать свои кинжалы в слабом свете звезд. Конан тоже посмотрел на свой клинок. Остро заточенное лезвие слегка светилось по кромке. Конан попробовал вытереть клинок, но свечение не изменилось. Впрочем, оно медленно слабело само по себе.

— Насколько я понимаю, — задумчиво произнес Алихун, — это был дух довольно низкого уровня. Мелкий подручный Покровителя Огня, одного из светлых богов.

— С каких это пор, — удивился Конан, — светлые боги занимаются убийством смертных? У них что, других забот больше нет?

Нам или рассуждать о делах богов? — пожал плечами Али. — Духа просто поставили здесь, чтобы не пускать никого в эти горы. Вот он и не пускает, по возможностям своим.

— Но ведь в обитель богов смертным и так нет доступа, — задумался Конан. — И никогда не было. И никогда не будет. Так что богам даже нет смысла защищать свои тайны. А здесь стоял страж, который должен был не пускать смертных в какое-то вполне земное место. Зачем? Что мы там можем увидеть, если нас не остановить?

— Я не знаю, что мы там можем увидеть, — с подчеркнутым равнодушием произнес Алихун, — но если маг уцелел при сегодняшнем камнепаде, то я пойду по его следу до конца.

— Если боги что-то скрывают от смертных в этих горах, — продолжал ломать голову Конан, — то почему бы им было не забрать это туда, куда смертные попасть и не смогут? Берегут они свою тайну от людей, или берегут людей от этой тайны? Ни разу я не видел, чтобы какие-то тайные знания и могущество пошли людям на пользу. Рано или поздно, все оно оборачивается беспощадной резней. Дай человеку силу — он начинает лупить окружающих, вымешая на них свое прошлое бессилие. Дай человеку знания — он устроит сородичам своим такую гадость, которой раньше и на свете-то не было. Дай человеку ума и он придумает такое, что его жертвы пожалеют о том, что он не остался самодуром без излишеств. А вот честь человеку дать нельзя. Если не выросло, то никакими силами не вложишь в душу человеческую понятия о том, чего нельзя делать ни при каких обстоятельствах. И чего иногда нельзя не делать. И никакой бог здесь не поможет.

— Можно подумать, — язвительно сказал Алихун, — что ты бродячий проповедник, призывающий своих почитателей делать людям только добро, чтобы всем от этого стало хорошо-хорошо...

— Да нет, — оживился Конан. — Я живу мечом и убиваю тех, кто встает у меня на дороге. Но дело в том, что далеко не каждый человек встанет у меня на дороге! Я решаю мои проблемы своей силой и ловкостью и рассчитываю только на остроту моего меча, но я встречал людей, которые помогали мне не из страха и не из-за денег. Они такие по жизни, и я бы сказал, что город, в котором нет таких людей, — обречен. Но разве можно отказаться от того, чтобы раскрыть тайну? Вот если сейчас маг был бы у нас в руках, смогли бы мы уйти назад, потому что прислужники богов не велят ходить в эти горы? И не в том даже дело, что когда-нибудь сюда" придут другие люди и найдут то, что здесь спрятано. Просто человек должен сам убедиться в обоснованности любого запрета, чтобы согласиться с ним или отвергнуть его.

— Что это тебя потянуло на рассуждения? — лениво спросил Алихун. — Наше дело действовать, а не играть словами.

— Отчего бы не поиграть словами, пока есть возможность? Когда настанет время действовать, я не рассуждаю, ты видел это.

— Ладно, давай поспим.

Чуть рассвело, Алихун начал торопить Конана:

— Если маг уцелел при обвале, то надо его догонять, пока он не ушел с ночлега. Идем!

Наверху оказалось, что обвал, разрушивший часть гребня, срезал дорогу на той стороне, но ушел по склону поперек направления тропы, так что маг мог и уцелеть. Алихун опять начал пороть горячку, собираясь ломиться вперед по свежей осыпи, но Конан решительно пошел в обход. Спуск был гораздо тяжелее подъема, и Алихун не мог не признать, что если бы они пошли по неустойчивым камням, то легко могли переломать себе ноги. Они спустились вниз, обогнули завалы и вскоре наткнулись на место ночевки мага. Следы были совсем свежие — теплое кострище и содранная копытами лошади трава, и преследователи бросились в погоню.

Путь наверх был тяжел, но не опасен, всадник здесь двигался немногим быстрее пешего. Алихун устремился вперед с азартом гончей, увидевшей перед собой вожделенную добычу. Конан еле успевал за ним, примечая по дороге, что со следа они не сбиваются. Но до перевала они мага догнать не смогли.

Они поднялись на перевал и увидели всадника, медленно спускающегося по обходной тропе к огромной котловине впереди. До мага было всего сотни три шагов, и Алихун рванулся к нему напрямик, без дороги. Конан выругался и бросился следом. Тропа, идущая вдоль котловины, заканчивалась довольно ровной площадкой на краю обрыва, но дальше дороги не было. Спешить на самом деле никакой причины не было — никуда бы маг из этого тупика не делся. Но пока что он обернулся на шум приближающейся погони, послал вперед коня и беспрепятственно успел выехать на площадку перед котловиной. Здесь он слез с коня и начал разворачивать длинный сверток, который вез с собой. Тут уже и Конану стало понятно, что медлить не стоит.

Подбегая к магу, Алихун резким движением руки послал в него метательный нож, но маг успел увернуться. А мгновением позже в схватку вмешалась новая сила. Четыре мощных приземистых фигуры как будто вышли прямо из скалы и тут же бросились на людей со стремительностью, исключавшей всякую возможность мирного исхода. Они были ростом чуть ниже Конана, но мощнее вдвое. Массивное тело, как у медведя, короткие и толстые руки и ноги, шкура неотличимая с виду от камня маленькие глаза, горящие красным огнем.

— Дэвы! — воскликнул Алихун, резко сворачивая к краю обрыва.

Маг тоже заметил приближение чудовищ, мгновенно повернулся к ним, перенацелив свое оружие против нового врага. Огненный всплеск ударили в первого монстра и отбросил его на другого, бегущего следом. Предсмертный вопль монстра был чист и пронзителен. В другой обстановке любой человек, услышавший такой звук, невольно поддался бы чувству жалости и скорби. Но сейчас людям было не до мыслей и не до чувств. Тяжелая лапа мелькнула перед лицом Конана. Дэв пытался одним ударом оторвать ему голову, но киммериец не уступал ему в скорости движений и рубанул по лапе мечом, вкладывая всю свою силу и добавляя в движение клинка тяжесть своего могучего тела. Меч загудел от удара, встретив на своем пути плоть дэва, не менее прочную, чем камень. Монстр застонал, лапа его повисла без сил, но он тут же ударил второй лапой, напирая на киммерийца, чтобы

задавить его своей силой.

Тем временем, маг шарахнулся от другого дэва, укрываясь от него за своим конем. Конь тоже рванулся в сторону, развернулся и залепил копытами в грудь приближающемуся чудовищу. Третий дэв бросился на Алихуна, но тот пригнулся и быстро бросился вдоль края пропасти, потом развернулся, ударил кинжалами в ногу монстра, ускользнул от его рук, мгновенно перескочил назад и резко толкнул дэва в спину. На мгновение тот замер, балансируя на краю обрыва, но новый толчок сзади не позволил ему сохранить равновесие. Издав такой же чистый предсмертный крик, он рухнул с обрыва вниз.

Конан, отступавший под неумолимым натиском монстра, начал тоже смещаться к краю площадки. Он наносил чудовищу молниеносные удары мечом, но без особого результата. Одна рука дэва бессильно повисла, но и теперь он был слишком слаб. Киммерийцу приходилось прилагать слишком много усилий, чтобы самому не попасть под удар, и он не мог снова рубануть монстра со всей своей силы — тот не давал такой возможности, стремительно атакуя.

Кинжалы Алихуна были слишком слабым оружием против дэва, но он вступил в схватку, чтобы рассеивать внимание монстра. Алихун и Конан мелькали перед дэвом, непрерывно нанося ему удары и уворачиваясь от него. Они пытались поставить чудовище на край обрыва, но пока этого у них не получалось. В это время дэв, получивший удар копытами и отшатнувшись на мгновенье, снова бросился на мага.

Одним неудержимым ударом чудовище переломило хребет коню, отбросило его в сторону и стремительно кинулось к магу. Тот выпустил огненную стрелу в приближающегося дэва. Вспышка пламени совпала с ударом монстра. Маг полетел в сторону, сбитый страшным ударом, а дэв в третий уже раз огласил горы воплем умирающего. Раненый дэв, бившийся с Алихуном и Конаном, обернулся и метнулся к магу, не обращая на удары, обрушившиеся на него сзади. Он стремительно преодолел расстояние до мага, но бросился не на него, а на тот предмет, с помощью которого маг посыпал огненные стрелы. Конан успел заметить, что это было нечто вроде длинного уплощенного жезла или укороченного копья необычной формы.

Схватив этот жезл единственной уцелевшей рукой, дэв издал протяжный крик невыносимой муки. Не переставая кричать и по-прежнему не обращая внимания на удары мечом и кинжала ми, наносимые ему в спину, он добежал до края площадки и прыгнул вниз, прижимая жезл к груди.

Конан и Алихун подошли к обрыву и увидели, что здесь вдоль обрыва идет крутая каменная осьпь, ведущая на самое дно котловины. Монстр пролетел около десятка локтей, упал на осьпь и стремительно скатывался вниз. Кричать он перестал, а скатившись вниз, остался лежать бесформенной грудой.

Там, на дне котловины, чуть в стороне от осьпи виднелось какое-то ажурное сооружение из блестящего на солнце металла. Алихун вдруг спохватился, стремительно обернулся и быстро подошел к магу. Тяжело дыша после напряженного поединка, он умелыми движениями выкрутил магу руки и связал их ему за спиной. Потом обшарил одежду и собрал все предметы с тела колдуна: кошелек и кольца, амулет на веревочке и кисет с травами, какие-то предметы непонятного назначения. Собрал все это в свой мешок, который достал из-за пазухи, завязал и только тогда начал разговор:

— Ну что, мятежник? Думал, что сможешь уйти от карающей руки власти? Нет, не надейся! И жезл мы достанем, не сомневайся.

— Если вы его достанете, то достанете свою смерть, — ответил маг. Он страдал от

боли: видимо, при падении отбил себе внутренности или сломал кости. Ему было плохо, но страха не было в его словах.

— Смерть? Вот как? Ты уверен? Ну ничего, по дожди. Мы достанем жезл и побеседуем с тобой. Ты нам все расскажешь.

Алихун вернулся к обрыву и стал рассматривать возможность спуска.

— Взгляни-ка, киммериец, — сказал он, показывая вниз, — тут, похоже, не раз уже спускались?

Конан посмотрел и признал:

— Да, ходили здесь. По веревке можно спуститься на осьпь, а потом по краю осторожно пройти до самого дна котловины.

— Так, значит, нужна веревка. Сейчас поищу. Он выпотрошил мешок мага и нашел большой моток.

— Ну что, киммериец, — спросил он, — сходишь вниз?

Конан задумался. Ему не нравилась эта котловина, ему не нравились слова мага.

— Нет, — ответил он. — Сходи сам, я тебя потом вытащу.

— Вылезти я и сам вылезу, — возразил Алихун. Он явно не хотел оставлять Конана наверху, но и завладеть жезлом стремился любой ценой. Его лицо исказилось злой гримасой.

— Ладно, — решил он. — Подстрахуй меня и покарауль мага. Но имей в виду, если ты вернешься в Султанапур без меня, визирь тебе не поверит.

Алихун быстро спустился по веревке до осьпи, а там двинулся вниз медленно и осторожно. Падать с груды камней было бы весьма опасно...

Конан отошел к магу и сейчас только разглядел его. Это был мужчина лет тридцати, с лицом, не искаженным гордостью за свое могущество и властолюбием.

— Что же ты? — спросил киммериец. — Как сидеть в башне и жечь людей огненными стрелами, так был велик и славен? А сейчас, лишившись силы, стал пугать нас пустыми угрозами?

— Вовсе не пустыми, — возразил маг. — Смерть поразит каждого, кто спускается в эту котловину.

— Но ведь спускались же туда люди...

— Ты видел сооружение на дне котловины?

— Видел. И что?

Несколько лет назад я был в учениках у великого мага Аль-Мутаби. И он рассказал мне, как в этих горах наблюдал он битву Покровителя Огня с темными дэвами. Поражал он их священным огнем, без промаха разил и без пощады. Воздух кипел от огненных разрядов, и скалы содрогались от предсмертных воплей дэвов. Но и дэвы, наделенные от своего повелителя Аримана великой силой, обрушивались на Покровителя Огня с ударами страшной мощи. Отражал он их удары и сдерживал неистовый натиск, но оказалось их слишком много. Треснула сверкающая оболочка небесной виманы, потеряла вимана свою скорость ветра, не стал успевать ускользнуть из-под стремительных ударов дэвов Покровитель Огня, и попытался он уйти в высшие небесные сферы. Но уже вцепились в небесную виману полчища дэвов, наклонилась вимана и, объяная пламенем, рухнула в эту котловину. Пришлося Покровителю Огня уходить в высшие сферы путями богов,бросив разбитую виману, а дэвы, уцелевшие в битве, поселились в здешних скалах. Копают они там подземные ходы, в надежде вернуться к своему повелителю, а на поверхность выходят очень редко...

— И каким же образом это связано с твоей магией?

— С моей магией? Честно говоря, сам я — очень слабый маг. Я немного могу управлять погодой на небольшом пространстве... И больше ничего.

— А огненные стрелы?! — возмутился Конан.

— Так я же и говорю. Мой учитель с несколькими помощниками спустился в котловину и осмотрел небесную виману. Он нашел там жезл, который посыпает огненные стрелы, и большую коробку, которую он определил как источник движущей силы виманы. Они подняли добычу наверх и принесли в обитель Аль-Мутаби. Но вскоре оказалось, что источник силы небесной виманы поражает людей неизлечимой болезнью. Даже тот, кто не прикасался к вимане, а только жил в помещении рядом с ней, заболевал. Перед смертью учитель потребовал, чтобы я вернул все взятое с виманы обратно. Обитель наша, вследствие смерти многих учеников и слуг, стремительно приходила в упадок. Все способы лечения, которые предпринял учитель, не спасли его, а только отсрочили его смерть. Не помогли даже великие познания и могущество. Что делать! Я похоронил учителя, на последние деньги купил четырех рабов и отправился сюда. Мы сбросили ящик с виманы в пропасть, и он разбился при падении. С тех пор смерть ждет каждого, кто спустится в котловину. Я предупредил, об этом жителей предгорных селений.

— Что же ты не сказал нам об этом сразу?

— Оттого, что я хочу умереть, зная, что палач моего народа тоже нашел свою смерть! — твердо ответил маг.

— Алихун?

— Это злобный выродок! Он силен и смел, но это кровожадное чудовище! Я вижу, ты наемник, и можешь не знать, чем знаменит твой спутник. Он убивает с удовольствием, он убивает ради удовольствия. Он убивал и мучил женщин и детей. Презрены убивающие из-за денег. Но он готов убивать и просто так. Пусть он сдохнет!

— А что же жезл? — спросил Конан. — Ты не исполнил волю учителя?

— Да, я решил, что смогу с его помощью защитить мой народ от непомерного гнета. Если бы вы не сожгли мою башню, я бы отколол предгорные провинции от власти Султанапура. Но когда мой замысел провалился, я решил все же исполнить свой долг и вернуть жезл.

Маг поперхнулся кровью, видимо, у него было пробито легкое.

— Уходи, пока цел, — сказал он. — Дай мне умереть в одиночестве.

Конан подошел к краю котловины. Внизу, в нескольких шагах от небесной виманы, лежала неподвижная фигурка Алихуна. Маг не солгал...

Конан вернулся к колдуну, быстро собрал остатки вещей в мешок, закинул его на спину и спросил:

— Могу я что-то сделать для тебя?

— Моя душа готова уйти в небесные сферы, — усмехнулся маг. — Она найдет дорогу без твоей помощи.

Конан повернулся и быстро пошел прочь. Бывало и раньше, что добыча ускользала из его рук, бывало, он терпел поражение, но редкое ощущение того, что он делал что-то неправильно, тяготило его.

Впрочем, это длилось недолго. Нет ничего лучше для исправления плохого настроения, чем тяжелая работа или трудный путь. Конан карабкался по каменным склонам, поднимаясь все выше и выше.

На перевале он оглянулся. Величественное зрелище открылось перед его глазами. Над

котловиной медленно разворачивались сияющие кольца светлого стражи, а вокруг нее копошились крошечные фигурки дэвов. Горы вдруг начали трястись мелкой дрожью, в воздухе поплыл низкий гул, и склоны котловины стали осыпаться, вздымая в воздух клубы пыли. Но пока пыль не скрыла все происходящее там, Конан увидел, что сияющий страж формирует осыпающиеся камни в гигантский холм, закрывая разбитую небесную виману курганом из обрушающихся со склонов камней.

Конан подумал, что впервые он видит темные и светлые силы, объединенные одной целью.

Впрочем, ему часто приходилось встречаться с проявлениями Тьмы, но нигде и никогда не встречал он в мире светлых и добрых сил. Разве что находились союзники в борьбе с темными, но после победы они уже не были такими уж светлыми и добрыми. Есть ли такие в мире вообще?.. Конан развернулся и начал спускаться с перевала. Здесь делать ему больше было нечего.